

АШИРА ХААН

КЛИЕНТКА
ПО ВЫЗОВУ

Очень горячий, но одинокий психолог Кирилл однажды под Новый год соглашается принять от друзей в подарок... женщину. Ну, которая за деньги. Казалось бы, что можно перепутать? Имя (весьма редкое!) совпало, адрес совпал — а что девушка оказалась совсем не такой, какими он представлял женщин ее профессии, так откуда ему знать, какие они? Он мужчина приличный. Да... не так Веста представляла себе визит к психологу для избавления от аэрофобии...

- [1. Кирилл и его ожидания](#)
 - [2. Кирилл и его желания](#)
 - [3. Кирилл и его страсть](#)
 - [4. Кирилл и его ошибка](#)
 - [5. Веста и ее страхи](#)
 - [6. Веста и ее сожаления](#)
 - [7. Веста и ее сомнения](#)
 - [8. Веста и ее сражение](#)
 - [9. Веста и ее бегство](#)
 - [10. Кирилл и его друзья](#)
 - [11. Кирилл и его соседка](#)
 - [12. Кирилл и его надежды](#)
 - [13. Кирилл и его сомнения](#)
 - [14. Веста и ее родители](#)
 - [15. Веста и Кирилл и их кошмары](#)
 - [16. Кирилл, Веста и их нежности](#)
 - [Эпилог](#)
-

1. Кирилл и его ожидания

Тоненькая фигурка топталась у двери в подъезд.

Кирилл никак не мог увидеть лицо девушки — она будто специально отворачивалась от камеры. Звонка снаружи не было — у квартиры в старом доме на Арбате есть свои недостатки. Например, в дом постоянно кто-то ломится, от бомжей до заблудившихся иностранцев. С некоторых пор, чтобы попасть к нему домой, гостям Кирилла приходилось звонить от калитки ему на мобильный.

С завидной регулярностью гости об этом забывали, а курьеры так и вовсе не читали примечания к заказу и потом потерянно топтались перед массивной дверью в подъезд, не зная, как дозваться хозяина. Девушку Кирилл заметил почти случайно. Только потому, что ждал.

Он нажал кнопку разблокировки, дверь снаружи пискнула и зажужжала, и девушка додумалась потянуть ее на себя. Как там зовут эту прелестницу?

Странное имя такое было... Геката? Астарта?

Дурацкое, сразу видно — «рабочий» псевдоним.

Кирилл вдохнул, выдохнул, огляделся по сторонам в поисках незамеченного хлама, глянул на себя в зеркало в коридоре, пригладил волосы и заржал от того, что ведет себя как жених перед визитом даже не невесты, а тещи.

И распахнул дверь, прежде чем гостья успела нажать на кнопку звонка.

Звонок в квартиру у него был бешеный, верещал так, что, бывало, ныне покойный пес Архип, оставшийся от отца, ссался под себя во сне, когда слышал. Кириллу тоже иногда хотелось, если звон заставлял его в коридоре. Но он был солидным взрослым мужчиной и держался.

Хотя подозревал, что однажды сдохнет от инфаркта, услышав звон, и курьер с пиццей будет долго-долго жать кнопку, а звонок истерически вопить над бездыханным телом.

Щелкнул замок, дверь распахнулась, и девушка шагнула внутрь, сразу внося с собой в квартиру запах зимы и пряничный дух арбатской ярмарки.

— Здравствуйте, я Веста, — сказала она. — Вам должны были обо мне...

— Шшш... — Кирилл взял девушку за руку, завел в квартиру и прижал палец к ее губам. — Давайте обойдемся без лишних слов.

Ему ужасно не хотелось погружаться в эту пошлятину, в примитив товарно-денежных отношений прямо с порога. Потому что девушка была... удивительной.

Юной, свежей. Красивой той неброской красотой, которая раскрывается только со второго взгляда, зато не отпускает потом очень долго.

Черные блестящие волосы гладкой волной перетекали со спины на плечи, кожа сияла фарфоровой белизной, а пухлые вишневые губки навевали мысли одновременно грешные и невинные. Длинные пушистые ресницы обрамляли колдовские ореховые глаза с золотыми искрами в глубине.

Фигурка была под стать: тонкая талия, которую не сумел спрятать даже объемный пуховик, аппетитная грудь, раскрывшаяся во всей красе, когда гостья потянула вниз молнию куртки, идеальная круглая попка, обтянутая черным платьем.

Стройные ножки Кирилл оценил, пока она расстегивала свои ботильоны, поставив ногу на скамеечку. Правда потом он замешкался, растерянно глядя на ее босые ступни в черных

колготках. Ей что — тапочки предложить? Вид будет — зашибись. Но и предполагать, что она возит с собой сменку, было бы странно.

Женщин в гостях у него не было давно, он даже не подозревал, как нынче со всем этим обходятся.

Девушка по имени Веста покачнулась, неловко наступив на край коврика, и Кирилл подхватил ее под руку, с неожиданным трепетом коснувшись маленьких тонких пальчиков с аккуратным маникюром. Замерзших с улицы — не хотелось их отпускать, хотелось согреть дыханием.

Он сам себе удивился.

Страшно представить, сколько парни заплатили за профессионалку такого уровня. Вызывающую с порога такие чувства. Это запредельный какой-то профессионализм.

Или он отстал от жизни, и теперь в Москве можно заказать не только такси, еду и уборку по демпинговым ценам, но и проститутки хай-класса приезжают по тарифу «плечевых» на трассе?

Кирилл решил, что об этом всегда можно спросить потом. Или у ребят, заплативших за этот подарок ему. Или... никогда.

Какая разница, если эта малышка, которая должна была стать неудачной шуткой идиотов-друзей, вдруг вызвала в нем такие почти забытые чувства? Робость, нежность, желание... понравиться?

Он так и не выпустил пальчики из своей руки, потянул девушку за собой и она, почему-то поколебавшись, пошла следом.

— Хочешь выпить? Воды? Вина? Чего-нибудь покрепче? — предложил он и тут же прикусил язык, сам вспомнив, что запретил болтать.

Она качнула головой:

— Не надо... ничего не надо. Давайте начнем...

Кирилл почему-то думал, что жрицы любви сразу переходят на «ты» и вываливают полный арсенал презервативов и дополнительных средств, вроде виагры и мирамистина. Но, честно сказать, опыт его ограничивался фильмом «Красотка», парой зацепленных краем глаза бесед в интернете, где девушек по вызову называли «феями» и оценивали искренность их фальшивого оргазма, да убийством проституток в видеоиграх.

Возможно, настоящие «феи» ведут себя именно так: скромно опускают глаза, называют на «вы» и не рассусоливают с вином и сыром.

2. Кирилл и его желания

Кстати, сыр у Кирилла тоже был. Целая сырная тарелка, упакованная вместе с виноградом, орехами и медом прямо в «Азбуке Вкуса». Он купил ее как-то автоматически, совсем не думая о том, что вечером придет в гости девушка. Но на самом деле, конечно, думая, только очень уж на заднем плане. Поэтому и вышло так странновато — набор для романтического свидания там, где подразумеваются строго деловые отношения. Приход-расход, сунул-вынул.

Да, он, Кирилл, разволновался перед профессионалом своего дела, как девственник перед первым поцелуем.

В каком-то смысле и девственник. У него ни разу в жизни не было такого опыта. Как-то... не приходилось. Всегда женщины любили его сами и временами даже навязывались.

Тащить проститутку в свою спальню показалось почему-то слишком пошлым, да и не хотелось «осквернить» личную постель общественным сексом. Черт знает, чего в его мотивации было больше.

Так что он завел Весту в гостиную, осторожно снял с ее плеча сумочку, поставил рядом с диваном и жестом пригласил гостью располагаться.

Она бросала украдкой любопытные взгляды по сторонам, но тут же прятала золотые искры за густыми ресницами.

— Ну что, Веста... — Кирилл тоже сел. На «пионерском» расстоянии. Подумал и пересел поближе, заставив девушку поежиться. — Ты, кстати, знаешь, что это имя римской богини невинности? Забавно, да?

Судя по вымученной улыбке, забавно ей не было. Неужели клиенты проституток такие прошаренные, что знают римский пантеон, и ей просто надоели эти шуточки?

Кирилл мысленно приказал себе перестать болтать и заодно волноваться. Вдруг поможет?

Тем более, что повода для волнения не было. Это не одноклассница, которую впервые пригласил к себе кино посмотреть, она не вскочит с дивана и не убежит с оскорбленным видом, забыв зашнуровать кроссовки. Ее и уламывать не нужно. Уже за все заплачено.

А как тогда? Сказать: «Раздевайся, ложись»?

У него от такой процедуры и не встанет.

Хотя, что там! Конечно, встанет, конечно. Особенно если он увидит ее обнаженной.

Эту белую с едва уловимым золотым оттенком кожу и упругую грудь. Интересно, какого цвета у нее соски?

Уже от одной этой мысли в свободных домашних штанах стало тесновато.

Нормально все будет.

Кирилл осторожно провел рукой по ее плечу. В ответ на взметнувшийся взгляд Весты, как мог уверенно улыбнулся и потянул ее, разворачивая к себе спиной.

— Расслабься, — сказал он мягко.

Причем неизвестно, кому больше адресуя призыв — себе или ей.

Видно было, что она очень старалась послушаться. Сначала резко подняла плечи, когда он коснулся их уверенным, но мягким жестом, но потом опустила, тряхнула головой, и из мышц ушла большая часть напряжения.

Кирилл сначала просто погладил ладонями плечи, давая девушке привыкнуть к себе,

потом уже прошелся серьезнее, продавливая пальцами напряженные точки, и только тогда начал массировать, как умел.

А умел он хорошо — однажды прошел курс релаксирующего массажа, добавил немного телесных практик и, в принципе, мог за минуту-две одними касаниями полностью изменить настроение человека. Лучше всего получалось успокоить и усыпить. Но при желании он мог вызвать и агрессию, и... желание.

Зачем ему нужно было желание проститутки, он и сам понять не мог.

Разве это не специальные такие женщины, с которыми не требуется возиться? Никаких цветов и конфет, умных разговоров, напряжения твердого пресса, чтобы выглядеть круче, никаких понтов «а вот у меня зато «майбах» в гараже стоит», никаких прелюдий и заботы о том, чтобы ей было в постели интересно и комфортно. Даже оргазм можно не пытаться доставить. Понадобится — сыграет.

В том, что эта великолепная жрица любви, как ни странно так называть ту, что носит имя богини невинности, могла бы сыграть ему такой оргазм, что он не только поверил бы, но и много лет потом ходил и гордился, Кирилл не сомневался.

С такими искренними реакциями она бы вообще могла завоевать весь мировой кинематограф. Но, видать, другая стезя слаще.

Все равно не хотелось «сбивать руку». Относиться даже к продажной женщине как-то иначе, не так, как он привык относиться к женщинам вообще. Хотя и давно это было, еще до брака — эти «женщины вообще». В браке он любил Алену так сильно, что иначе как благоговеть перед ее телом не получалось.

Сейчас все было иначе. Волнующе, ярко, чего греха таить — возбуждающе. Но не так трепетно, не так, будто рядом с ним ангел. Нет — вполне себе живая, это видно по золотым искрам в глазах. Просто пока она скрывается за ресницами и не дается ему.

Но дыхание ее уже срывается, становится чаще, мышцы вибрируют под его пальцами.

Она откликалась так охотно и искренне, что Кирилл почти забыл, что этот банкет оплачен друзьями-идиотами, которых очень уж беспокоило его затянувшееся после развода одиночество. И как ни отмазывайся, что он знает, что делает, они все равно уверяли, что ненормально мужчине два года совсем ни с кем не трахаться.

Ну, допустим, полтора.

Но не суть.

Говорят, на рождество случаются разные чудеса. Вот и ему, выходит, приволокли рождественский подарочек, о котором предупредили за несколько часов, лишив возможности отказаться.

Он собирался просто пообщаться с ней, расспросить как дошла до жизни такой.

Но сейчас, с каждым прикосновением рук к ее податливому телу, все быстрее передумывал.

Кирилл, пожалуй, не был против развития сюжета. Он потянул, наконец, лямку платья с ее плеча, тут же коснувшись его губами — и Веста вздрогнула.

И спросила слишком уж наивно на его вкус:

— Так надо?

— Конечно, надо, — уверенно ответил он. И решил на всякий случай пресечь дальнейшую игру в невинность: — Но мы договаривались молчать...

— Да, хорошо... — она прерывисто вздохнула. — А вы точно психолог?

— Могу диплом показать, — удивился Кирилл.

Зачем ей такая информация? Индивидуальный подход? Согласилась на заказ, чтобы поставить галочку в списке? Мало ли чем развлекаются «ночные бабочки». Вдруг собирают коллекцию профессий клиентов?

— Нет, не надо, просто странно... Я думала...

— Шшшш... — снова прервал он девушку, окончательно оголяя плечико.

Ее кожа пахла нежно и тонко, какими-то дорогими духами.

Да, точно элитная работница. Что ж, значит, парни решили гулять на все.

А может, даже процент выбить из борделя за нового клиента.

Кирилл подумал, что если она и в остальном будет такой же безупречной, он станет клиентом на редкость постоянным...

3. Кирилл и его страсть

Веста тихонько вздохнула, расслабленно и покорно, и Кирилл окончательно сошел с ума от нее, от ее дыхания, от ее тепла. Пусть всего на час, но она — его.

Он отвел шелковую прядь волос в сторону, приник губами к шее, нежа и лаская бархатистую кожу. На вкус она была как сливки и ваниль, и он с трудом удержался, чтобы не начать лизать ее как мороженое.

Потянул вниз молнию платья, целуя обнажавшиеся острые позвонки под тонкой кожей. Оторвался ненадолго, чтобы убавить свет до минимума, оставив густой шоколадный полумрак, в котором происходящее становилось еще более сказочным. Где-то там, всего в нескольких десятках метров отсюда шумел и бурлил украшенный к Новому Году Арбат. Люди улыбались, пили горячий глинтвейн на морозе и верили, что в одну-единственную ночь в году с ними обязательно случится чудо.

А с Кириллом оно уже случилось. Дрожащее в его руках, теплое, вкусно пахнущее чудо. Он развернул девушку к себе и наконец накрыл губами ее вишневый рот. Она замерла на мгновение, а потом не сразу, но ответила на его поцелуй.

Кирилл отмахнулся от мысли, что проститутки не целуются в губы. Это тоже откуда-то из фильмов? Эта точно целовалась. Так сладко, будто ее губы и вправду были сделаны из сочной вишни. Яркие даже в полутьме, пухлые, манящие.

Одна его рука лежала на ее тонкой талии, а другая зарылась в волосы, наслаждаясь перетекающим под пальцами черным шелком.

— Я... — начала она.

— Шшшшш... — он снова заткнул ее рот поцелуем. Она была не против, даже застонала, когда Кирилл опрокинул ее на спину и упал сверху, сразу углубляя поцелуй, делая его из нежного — страстным, захватывающим, возбуждающим.

Торопиться не хотелось. Они валялись на этом диване, вжавшись в друг друга, сплетясь ногами и руками и целуясь до одури, как подростки. До искр из глаз. До... Кирилл уже терся твердостью в штанах между ее ног, и его рука уже не раз путешествовала под подол ее платья, обнаружив между делом, что Веста в чулках.

Ма-а-а-а-ать... чулках!

Да если б у него могло встать еще крепче, давно бы стояло! Но у человеческого организма есть пределы. Несмотря на чулки.

Руки Весты лежали на плечах Кирилла, она почти не двигалась, предоставляя право активничать мужчине, но целовалась охотно и жарко, пару раз даже прихватывая его нижнюю губу острыми зубками. Дрожала, елозила под его телом, ее кожа становилась все горячее, и Кирилл не выдержал — стянул наконец платье с ее груди, закрытой черным кружевом.

Потянул его еще ниже, еще, и вскоре оно упокоилось где-то возле дивана.

Он не стал расстегивать бюстгальтер, только отогнул кружевные вставки вниз, обнажая яркие вишенки сосков, которые по очереди поймал губами и облизал. Готов был поклясться, что они тоже вишневые.

Белая кожа Весты почти светилась в темноте на фоне черного белья и чулок и терпеть дальше было невозможно. Наверное, ей показалось так же.

— У тебя есть презервативы? — сорванным шепотом прервала она обет обоюдного

молчания.

— Разве ты... — начал Кирилл, но осекся.

К чему портить такой момент? Тем более, презервативы были.

Он же человек-предусмотрительность. У него всегда все есть, на любой крайний случай. Черт знает, зачем он их купил сегодня, у нее ведь должны быть свои, но вот... Пригодилось.

Торопясь и путаясь в рукавах и штанинах, Кирилл стащил футболку и домашние штаны, дотянулся до яркой упаковки на столике возле дивана — какое счастье, что не пришлось никуда идти! Этот момент всегда вдребезги разбивал любое возбуждение, поэтому раньше он разбрасывал презервативы по всем местам, где ему могло бы вздуматься заняться сексом, а Алена педантично складывала их все в ящик тумбочки у кровати.

Но то было раньше, в прошлой жизни.

В этой Веста смотрела так жарко, что вместо того, чтобы опасть за время возни с защитой, член стал только крепче.

Когда уже совсем было поздно для сомнений, краем разума Кирилл поймал последнее опасение — не опозориться бы после такого перерыва. Вот будет неловко.

Но все было лучше некуда.

Он вошел одним длинным плавным движением, радуясь тому, как горячо и влажно у нее внутри. Она застонала и вонзила ногти ему в спину. Это было обалденно. Неправа народная молва, ничего там не разболтано у них...

А, к черту!

Кирилл запретил себе об этом думать.

Пока не закончится оплаченное время — Веста только его.

Горячая тьма закружила их и понесла куда-то ввысь, к сияющим звездам. Он шептал какую-то сентиментальную чушь, она стонала, и это было жарко и искренне.

Кирилл, по крайней мере, не сомневался ни на секунду.

И ее скорый оргазм, потрясший, кажется, ее саму, тоже был настоящим, как и золотой звездопад в распахнутых ореховых глазах.

Как и его невозможный, выкручивающий позвоночник взрыв, от которого помутилось в глазах, и первые секунды он не знал, на каком очнулся свете, и сможет ли когда-нибудь заговорить.

4. Кирилл и его ошибка

После Кирилл лежал, прижимая ее горячее тело к себе, лишь накинув на них плед. Слабость и нега разливались в каждой клетке его тела. В этот момент он решил, что точно станет постоянным клиентом, даже если работать придется только на эту контору. Впрочем, не может же быть, чтобы час работы проститутки стоил намного больше часа популярного психолога?

Хотя он знал, что в нашем мире возможно все.

Кстати, время.

Кирилл глянул на часы, Веста заворочалась под его рукой и озвучила вопрос сама:

— Час уже прошел?

— Почти... — шепнул он, с неохотой выпуская ее. — Может... останешься?

— Нет, нет... у меня дела... Нет! — твердо ответила она.

Умница, не стала говорить про других. Тех, кто будет после него.

От этого почему-то стало немного горько. Совсем чуть-чуть.

Он встал, разыскивая свою наспех отброшенную одежду.

Кинул ей платье, она подтянула к себе сумочку.

Нашел свои штаны и влез в них. И футболку тоже.

— Да, насчет денег... — неловко начал Кирилл. Веста увлеченно копалась в сумке, совсем как девушки, которые ждут, когда джентльмен заплатит за них в ресторане. — Я так понимаю, уже все уладили, но...

Ему хотелось дать ей чаевые или что-то в этом духе, но он не знал, как принято. Да и наличных нет. На Сбер кинуть, что ли, как таксисту?

Повернулся и обомлел.

Веста протягивала ему купюры. Неслабую такую сумму. Но доступную.

Мозг тут же пересчитал на часы его работы и обрадовался. Если это обычный тариф, он справится. Сможет встречаться с ней хоть каждый день!

Правда сознание пока пребывало в шоке.

— Что... ? Я был так хорош, что ты решила мне вернуть деньги? — глупо засмеялся Кирилл. — Нет, оставь, ты тоже была хороша. Если бы я знал, что все проститутки такие, моя жизнь сложи...

— Кто?! — она распахнула глаза. — Проститутки?!

— Ну да, — он еще ничего не понял, хотя задница, в отличие от мозга в нирване, уже чувала что-то недоброе. — Ты же проститутка? Или предпочитаешь «фею»? Или как вы называетесь?

— Вы... — Веста приложила ладони к лицу, моментально сравнившемуся цветом с вишневыми губами. — Вы же сами сказали, что психолог, что я... Это терапия? Мне сказали, нетрадиционная... Я и подумала, что... Никто не давал вам права после этого еще меня оскорблять!

— Постой, какое оскорбление? Мои друзья вызвали мне проститутку, ты пришла, при чем тут терапия? — не складывалось, и от этого задница чувствовала, что дело пахнет не просто керосином, а прямо целым складом селитры, рядом с которым уже подождгли фейерверк.

— Я не проститутка! — она подскочила, сверкнув глазами. — Я клиентка! Пришла к

психологу! Который меня...

— Тогда зачем ты со мной трахалась? — тупо спросил Кирилл.

— Потому что терапия... — но голос сорвался и она ринулась в коридор, мгновенно впрыгивая в ботильоны и срывая с вешалки свой пуховик.

В этот момент истерический звонок завершал оскопленной в детстве иерихонской трубой, и они оба зажали уши. Кирилл, срывая ногти, открыл замок и дернул дверь на себя, потому что тот, кто звонил, не спешил отпустить кнопку.

В проеме возвышалось почти двухметровое создание в блондинистом парике, с ярко накрашенными губами, полуметровыми ресницами и в блестящем платье на кряжистом мускулистом теле. Создание было похоже на трансвестита из дешевых юмористических шоу.

— Привет, я Веста! — басом сказало оно, протягивая Кириллу огромную ладонь с переливающимися всеми цветами радуги длинными когтями.

А его, его настоящая Веста, громко всхлипнув, поднырнула под руку и отчаянно рванулась по лестнице к двери.

— Постой! Веста! — Кирилл попытался кинуться за ней, но трансвестит поймал его в сильные, пахнущие пудрой и потом объятия и вдавил в косяк двери:

— Что тебе, сладенький? Я вся твоя! Твоя Веста!

Дверь подъезда хлопнула и когда он, отвесив этому уродцу в печень, выскочил наконец на снег как был — босиком, гостя уже растворилась в арбатских переулках без следа.

Только фонарь подмигнул ему сквозь голые ветви деревьев: мол, видал, какой ты идиот?

Принял такую девушку за шлюху.

Настоящая новогодняя путаница, карнавал и шоу «Голубой Огонек».

Это тебе не 3-ю улицу Строителей между двух городов искать...

5. Веста и ее страхи

Веста летела сквозь рождественские огоньки, не чуя под собой ног. Сквозь застывшие в глазах слезы разноцветные гирлянды и россыпи свечей в запотевших стеклянных витринах с цветами, пирожными и празднично упакованными деликатесами расплывались и превращали весь мир в один большой светящийся калейдоскоп.

Это было бы даже красиво, если бы в груди не клокотали рыдания, а в носу не шипало.

Запахи специй, нагретого вина и пороха от фейерверков раздражали, напоминая о том, в каком чудесном настроении она пробегала здесь всего час назад.

Новый год! Ее любимый праздник!

Долгий — не то, что день рожденья, который пролетел от полуночи до полуночи и все, нету его. Нет, новогоднее настроение появляется уже в начале декабря, когда в супермаркетах начинают продавать елочные игрушки и включают рождественские песенки.

Радость взмывает ввысь с католического Рождества, когда уже пора ставить елку, забивать холодильник неприкосновенными запасами «это на новый год» и рисовать на окнах снежинки зубной пастой.

Праздник взрывается и гремит салютом в новогоднюю ночь!

И потом еще неделю искрится и пускает пузырьки как шампанское — до Рождества православного, чтобы тихо-тихо угаснуть к старому новому году. Постепенно, без суровых прощаний.

Полтора месяца радости!

В этом году радость была особенно сильной — в традиционной новогодней лотерее на работе Веста выиграла тур в Египет! И не просто поваляться на песочке, а с включенными экскурсиями по Каиру и Луксору, с пирамидами, Городом Мертвых, сафари на джипах по пустыне, прогулкой-погружением в красочный подводный мир Красного моря!

В университете на культурологии она просто обожала семинары про Древний Египет. Ужасно расстраивалась, когда туда перестали летать самолеты и сейчас, когда вновь открылся Каир, была просто счастлива. Но еще счастливее стала, когда выиграла поездку!

Она была так рада, что весь рабочий коллектив, уже готовый завидовать и ненавидеть счастливицу, растаял.

Весту вообще любили за искренность и непосредственность реакций. За то, что она всегда следовала за порывами сердца. А сердце у нее было доброе и любящее.

Так что даже позлопыхать не получилось.

Особенно после того, как подпрыгнув до самого потолка офиса, Веста вдруг острожно расстроилась.

— Что такое? — всполошились все: от бухгалтерии до айтишников и от начальства до ночных сторожей. — Кто тебя обидел?

Обидела Весту собственная несносная голова. Или психика. Или нервная система.

Как ни смотри, короче, все равно сама виновата в том, что жутко боится летать на самолетах!

Нет, нет, нет, сам полет — это прекрасно! Белые, похожие на зефир или сахарную вату облака за иллюминаторами, золотисто-розовое солнце, которое светит даже тогда, когда на земле пасмурно и даже странная самолетная еда приводили Весту в восторг.

Но взлет и посадка — какой-то ужас!

Ее начинало трясти, как только она делала первый шаг в двери аэропорта. Трясло на паспортном контроле, на проверке безопасности, в дьюти-фри и зале ожидания.

Трясло в шаттле к самолету и в гофрированном рукаве.

Трясло, пока стюардессы проверяли ремни безопасности и разносили пледы.

А уж когда самолет разогнался, Весту уже не просто трясло. Ее колотило так, что самолет начинал дополнительно вибрировать, готовясь развалиться.

Что никак не добавляло ей спокойствия.

То же самое творилось на посадке. Веста хваталась за соседей, зажмуривала глаза, иногда тихонечко подвывала от страха или начинала громко молиться. Причем молитвы, выученные когда-то в детстве, когда она ходила с бабушкой в церковь, она вспоминала только в эти полчаса на взлете и полчаса на посадке. В остальное время не продвинулась бы дальше первых слов «Отче наш» даже под дулом пистолета.

Не то чтобы она не пыталась избавиться от своего страха. Все то, что ей наперебой предлагали сейчас коллеги, она пробовала. И не раз.

Впрочем, кое-что — все-таки лишь однажды.

Изучала статистику падений самолетов и убеждалась, что это самый безопасный вид транспорта... правда, аварии происходят как раз на взлете и посадке.

Пила снотворное и успокоительное, но ужас выжигал все действующее вещество у нее в крови в первые пять минут набора высоты.

Конечно, наивный совет читать или играть, пока самолет в дыму и пламени летит вниз к своей гибели — тоже не очень помог.

Она пробовала все!

Гипноз, иглоукалывание, окуривание особым дымом, дыхательную гимнастику, тренажеры полетов, НЛП, КПТ, БДСМ... ой, нет, без этого. Хотя она была готова на все.

Просто ничего не работало.

Напиться было самым частым советом. И Веста, нежная, скромная девушка, им, разумеется, тоже воспользовалась.

Это был самый позорный день в ее жизни.

Когда самолет взлетал, она не описалась только потому, что уже сходила пятнадцать раз в туалет только за то время, что двигалась очередь на посадку.

Во время полета к тем двустам граммам мартини, что она приняла до, она добавила еще двести коньяка. И когда пришло время приземления, смело прошла в нос самолета к старшему бортпроводнику и потребовала выдать ей парашют.

Она сама, мол, отлично приземлится без всякого самолета, которому не доверяет.

Когда она все-таки спускалась с трапа на дрожащих ногах, ей сообщили, что этой авиакомпанией она больше никогда никуда не полетит.

Она давно смирилась, что отпуск будет проводить в городах Золотого кольца, а для поездки к морю придется закладывать еще несколько дней на поезд.

Но Египет! Страна мечты!

Сфинкс! Фараоны! Горячий песок, яркие рыбки, старинные базары, кальян, папирус, гибкие смуглые египтяне с древними глазами... ой, нет, опять увлеклась.

В общем, стимул справиться со страхом у Весты был огого!

Но и страх не собирался сдаваться без борьбы.

Когда коллективный разум коллег наконец иссяк в попытках найти способ, который она еще не испробовала, в игру вступила Марьяна из рекламного отдела. Себя она считала

ведьмой, ходила в черном, красила глаза зелеными тенями и любила хвастаться тем, что ее гадания на таро всегда сбываются.

— У меня есть один человечек... — загадочно уронила она.

— Ой, Марьяш, ну вот ты точно не в тему, — поморщилась бухгалтерша Анна Сергеевна. — Веста у нас не склонна к мистике.

— Это не мистика. Это психология. Правда не совсем традиционная, — заметив, что Веста заинтересовалась, Марьяна перестала частить и стала делать паузы, окидывая всех значительным взглядом. — Смесь телесных практик со стрессовой терапией. Я бы не стала говорить, но именно с фобиями этот человек справляется лучше всего. Иррациональные страхи прячутся в нашем теле и могут быть изгнаны только неожиданными, шокирующими методами. Если не боишься...

— Не боюсь! — сказала Веста, вспомнив в этот момент про парашют. — Давай контакты.

— Там запись до мая, — огорошила ее Марьяша.

— Ну и толку тогда от твоего спеца! — фыркнула Анна Сергеевна.

— ...но я могу договориться и втиснуть тебя в плотное расписание, — закончила рекламщица.

— Да, пожалуйста! Буду тебе очень обязана! — для Весты это реально был последний шанс исполнить мечту. Иначе придется отдавать выигранные билеты родителям и довольствоваться пересказом и фото сфинкса на телефон.

— Я пришлю тебе время и место... — Марьяша перетасовала колоду таро и вытащила наугад одну карту. — Императрица! Видишь, все получится.

Так Веста оказалась у кованой калитки в маленьком арбатском дворике, спрятанном от шумной предновогодней суеты. Она пришла чуть раньше, боясь опоздать, и очень обрадовалась, что калитка щелкнула, а высокая черная дверь зажужжала, приглашая войти и забыла в последний раз проверить, в ту ли сторону она свернула, когда следовала путаным указаниям из сообщения, присланного Марьяшей.

6. Веста и ее сожаления

На встречу с психологом Веста мчалась с радостным предвкушением. Почему-то ей казалось, что в этот раз все получится! Нужно всего лишь часик потерпеть, а потом ей будет доступна вся радость ожидания полета: она будет сидеть с чашечкой кофе в баре аэропорта с видом на взлетное поле, гулять по дюти-фри, где перенюхает все парфюмерные новинки и купит в итоге бутылку «Бейлиса», чтобы пить вечерами на балконе. Будет читать и перечитывать инструкцию по спасению из самолета и фотографировать пушистые облака в иллюминаторе.

Она даже купила в начале Арбата маленький стаканчик горячего шоколада с зефирками и радостно жмурилась, вдыхая аромат глинтвейна из огромных котлов под навесами, любовалась светящимися новогодними украшениями и улыбалась в ответ таким же счастливым перешеходам.

Прошел какой-то несчастный час — и Гринч украл Рождество, да и Новый год прихватил. На обратном пути окружающих словно покусал злобный тролль. Ее облили вином, толкнули на эти чертовы декорации, оцетинившиеся железками и взорвали петарду над ухом!

Она не обернулась, стремясь оказаться как можно дальше от того арбатского переулочка, но по пути сочинила очень длинную и очень заковыристую тираду. Пока сочиняла, уже усвистела почти к метро и возвращаться, чтобы высказаться, было бы глупо.

Внутри кипело адское варево из злости, удовольствия, стыда, интереса, возмущения, накрытое сверху крышкой невероятного смущения и неловкости.

Веста то ускоряла шаг, уже почти бежала, только бы убежать от этого чувства. То останавливалась, закрывая глаза, и вцеплялась пальцами в фонарный столб или скамейку, словно боялась, что невидимый ветер унесет ее в какой-нибудь Канзас.

Вела себя она совершенно как сумасшедшая — всплескивала руками, бормотала, пыталась глубоко дышать, но на Арбате это вообще никого не удивляло.

И чем быстрее она неслась, тем чаще подпрыгивал котелок у нее в душе, роняя обжигающие капли воспоминаний о последнем часе.

Некоторые из них заставляли ее смущаться до такой степени, что покрасневшие на морозе щеки начинали пылать алым, составляя конкуренцию яркому зимнему закату. Другие же поджигали внутри что-то искрящееся, словно бенгальский огонь, и такое горячее, что она уже расстегнула пуховик и стащила шарф.

Чтоб этого нетрадиционного психолога черти в аду вилами истыкали!

Только не очень сильно...

Каждое проклятие Весты в адрес «нетрадиционного психолога» сопровождалось уколом сожаления, а каждое сладкое замирание сердца от воспоминаний о его ласках шло в паре со вспышкой злости или стыда. И никак у нее не получалось остановиться на чем-то одном, определиться.

Он был такой красивый... Когда открылась дверь и перед ней предстал молодой мужчина с точеными чертами лица и теплыми шоколадными глазами, Веста обомлела. Она никогда с такими красивыми так близко не общалась. Язык прилип к небу, закружилась голова, и все, что она сумела — проблеять что-то про договоренность.

Но он взял инициативу на себя, проводил ее, предложил что-то, она не запомнила что

— только ругала себя, что отказалась. Может быть, перестала бы так вздрагивать, когда его взгляд обжигал ее кожу.

Ох, с ним даже просто разговаривать было неловко, а уж когда он перешел к работе и дотронулся до ее плеч, Веста и вовсе унеслась мыслями куда-то в свои фантазии. Пальцы его были нежными и умелыми, и ей, соскучившейся по мужским ласкам, стоило немало сил держаться в рамках приличий и не стонать во время массажа.

Когда ее кожи коснулись губы, ей меньше всего хотелось в тот момент вскакивать, давать ему пощечину, бежать прочь... Ох, надо было. Надо.

А когда потянул платье вниз, хотелось, чтобы он оказался просто наглецом, который решил пристать к клиентке.

Потому что Веста ужасно боялась, что это все часть терапии! Нетрадиционной, шокирующей, как сказала Марьяна, действенной. Неужели он вот так лечит всех подряд?

Впрочем, даже это было все равно, лишь бы не останавливался!

Веста ерошила его непослушные мягкие волосы, таяла в ласковых руках и позволила зайти так далеко, что пути назад уже не было. В тот момент она прекрасно поняла всех женщин, которых раньше осуждала за интрижки с массажистами, тренерами и докторами.

До глубины души поняла!

Он разбудил в ней спящую до того чувственность, доставил такое удовольствие, какого Веста за весь свой небогатый опыт из одного институтского романа и одной недолгой связи с коллегой из соседнего отдела не испытывала даже близко. Она больше не сомневалась, выкинув из головы все лишние мысли. Следовала за ним туда, куда он вел, и с удивлением обнаруживала, как много наслаждения может дать ее собственное, казалось бы, хорошо изученное за двадцать пять лет тело в умелых руках.

Слова о деньгах прозвучали громом среди ясного неба.

Она стремительно летела с небес на землю, но сглатывая горькую слюну, уговаривала себя — я была готова к этому. Готова. Не жалко. Никаких денег не жалко за то, что сейчас произошло, пусть это и было... чем? Терапией? Пошленькой наглостью «психолога», который воспользовался ее доверием? Чем угодно. Деньги так деньги.

Но все оказалось гораздо хуже.

Проститутка. Так он сказал.

Шлюха. Если проще.

Шалава. Заслуженно.

И другие слова, которые приличные девушки знать не должны. Но обязаны избегать ситуаций, в которых они именно те. На букву «Б».

Веста снова встала, как вкопанная, зажмурилась и застонала вслух от охватившего ее пламени позора. Сама виновата! Сама! Заслужила!

Сама прыгнула на этого... этого...

Ох, она ведь и не узнала, как его зовут!

Ну и кто она после этого, а? А?

Спохватившись, нащупала в сумочке телефон. У нее же был записан адрес, а там вроде и фамилия была, и имя. Или только фамилия?

На экране множилось уведомления — двадцать пропущенных! От Марьяны. Десяток сообщений! Неужели он сразу отправился звонить рекомендательнице и докладывать, как все прошло?

«Все хорошо, клиентка довольна, три оргазма и стонала в голос».

«Насчет аэрофобии ничего не скажу, но жопа зачет».

Не зря он ее так мял, аж не оторвать было.

Весте захотелось побиться головой о стену, но ближайшая стена была только у метро.

Она нажала на вызов.

И была сметена громогласной Марьяной из динамика:

— Где ты ходишь?! Веста! Мне человек уже обзвонился!

— П-п-психолог? — сглотнула Веста, не понимая причин такой ярости.

— Ну да. Она тебя час — ЧАС! — уже ждет!

— К-к-кто ждет?

— Да психолог же! Ведунья Кассандра из рода Проклинающих!

— П-п-погоди... Тут у меня же другое имя... — Веста отняла телефон от уха, открыла заметки, где сохранила адрес и прочитала: Короленко К. и дальше адрес и как добраться. Ага, вот про калитку. «От калитки направо к следующему подъезду».

Веста замерла на месте, перечитывая строчку.

— Да, Катька Короленко, моя одноклассница! Училась на психолога, а так ведьма. Я у нее только по знакомству выбила для тебя местечко, а ты не пришла! Давай руки в ноги — и бегом к ней!

Вот там же, где и стояла, Веста превратилась в соляной столп. И плевать ей было, что прохожие ее толкают и ворчат, что «раскорячилась». Соляному столпу все равно.

— Ты сказала, график плотный, единственное окошко... — машинально продолжали шевелиться ее губы, пока мозг все складывал и складывал ситуацию из известных фактов, а она никак не складывалась.

— Сказала... — как-то неуверенно пробормотала Марьяна, но тут же пришла в себя: — Так она ради меня подвинет свое расписание, я уж так за тебя просила! Давай торопись! Адрес не потеряла?

Веста вздрогнула и отмерла.

Представив, как она возвращается обратно к чугунной калитке, а там ее караулит то двухметровое существо, которое показалось ей воплощением ее будущей судьбы. Вот так к хорошим девочкам, который докатились до шлюхи, приходят такие... Такие. И уводят с собой, чтобы купить накладные ресницы, наколоть губы и переодеть в короткую юбку.

И на работу.

— Я заблудилась, — сказала она, полуобморочно глядя на текущий мимо по своим делам мир. — А потом...

— Давай я тебе объясню, как идти, провожу по телефону, ты где сейчас?

— Ты разве не занята? — взгляд Весты блуждал, выхватывая из толпы то одного человека, то другого. Все было не то.

Кто же он?

— Нет, ерунда, на корпоратив собираюсь.

— Корпоратив! — ахнула Веста.

Она же не ради психолога так вырядилась, платье это надела с открытыми плечами, накрасилась. Она собиралась потом ехать в ресторан, где ее компания отмечала Новый Год.

— Веста! Что ты... Куда ты? Кассандра ждет! Слышишь!

Ну уж нет!

Веста выключила телефон и решительно развернулась обратно к Арбату.

Где-то тут по пути она машинально отметила открытый салон красоты, где за

празднично украшенной витриной явно скучали работницы.

Она предполагала, что цены там такие... под стать Арбату, потому и нет очередей даже накануне праздника, когда корпоративы под каждым кустом.

Но она сегодня сэкономила... и чуть не заработала довольно приличную сумму.

Вот и потратит ее на восстановление испорченной руками «психолога» прически и макияжа. Пусть сделают все по первому классу.

А потом она напьется. Напьется просто вдрызг!

7. Веста и ее сомнения

Деньги, отложенные на психолога, жгли пальцы. Веста не успокоилась, пока не набрала услуг в салоне красоты на всю сумму. И прическа, и макияж, и маникюр... до педикюра дело не дошло, но она была опасно близка к тому, чтобы раздеться и продолжить с глубокой эпиляцией и прочим инъекционным увеличением точки G. К счастью, салон и правда был достаточно дорогой, поэтому такие излишества не понадобились. Потратила все раньше.

В честь корпоратива ей наклеили золотые веснушки и даже сбрызнули волосы блестящим мистом. А в соседнем парфюмерном она целенаправленно выбрала самые дорогие духи, чтобы «попробовать» на себе. Запах не интересовал — внутри у Весты все еще плевался огненными искрами бенгальский огонек, который требовал безумия!

Большого безумия, чем самые дорогие духи, она пока себе вообразить не могла, но был еще не вечер...

Уже на подходе к ресторану Веста начала подозревать что-то нехорошее. Несколько раз она перепроверила адрес и на всякий случай позвонила начальнику отдела, чтобы уточнить, действительно ли ей нужно именно в заведение под названием «Карнавал». Визит к «психологу» надолго сделал ее параноиком.

Но все сходилось. Ей надо было именно туда, где сияла розовыми неоновыми пальмами вывеска.

В караоке-бар «Карнавал».

Караоке!

На беду свою Веста была слишком открытой и доброжелательной девушкой. Пока она приезжала на новогодних каникулах кормить рыбок в кабинете начальника, или оставалась на выходные, чтобы вовремя сдать проект, или покупала на весь отдел пончики и кофе, жизнь была еще терпимой. В конце концов, она научилась носить десять стаканчиков кофе одновременно, в прыжке прижиматься карманом с пропуском к турникету и нажимать кнопку лифта носом. В жизни все пригодится.

Но когда она проболталась, что шесть лет, с первого класса, пела в детском хоре и даже ездила на гастроли по городам Золотого кольца, ее участь была предрешена.

Как только бухгалтерия и начальство достигало на корпоративах точно измеренной нужной степени опьянения и к ним приходил демон ностальгии, на середину комнаты вызывалась Веста. Спасибо, что не ставили на стульчик, как в детстве.

— Пой! — требовали от нее главбух, гендиректор и начальник административно-хозяйственной части.

Если первых двух еще можно было проигнорировать, то впасть в немилость к последнему означало, что кресла у тебя отныне будут без колесиков — зато колесики будут в мышке, клавиатура будет помнить 95-ю Винду, а стол своим скрипучим пением вечно напоминать из-за чего ты теперь страдаешь.

Не вариант.

Но раньше удавалось отделаться золотыми огнями на улицах Саратова и ходящими к водопою конями. Дальше Веста, наивно моргая, уверяла, что не слушает современную музыку — все, что младше шестнадцатого века. Зато может спеть «Зеленые рукава» и «Аве, Мария».

А вот теперь пришел ее смертный час. Неизвестно, сделал ли кадровый отдел,

занимавшийся корпоративами это нарочно или ей просто сегодня хронически не везло, но теперь отделаться от пения всего известного коллегам песенного репертуара не удастся.

Застыв в нескольких шагах от входа, Веста всерьез решала — а не сбежать ли, пока не поздно? Как-то и испорченное лже-психологом настроение показалось ей не таким уж плохим, да и все приключение в перспективе виделось даже приятным. Ей ведь понравилось! Очень. И нравилось вплоть до момента, когда он обозвал ее проституткой.

Забыть эти несколько неловких секунд будет гораздо проще, чем пару часов позора имени современной эстрады!

Все познается в сравнении.

И даже сумма, оставленная в салоне, Весту сейчас не убедила.

Будем считать, что потеряла. Вместе с кошельком. Спасибо, господи, что взял деньгами.

Но — увы! — она опоздала с твердым решением всего на пару бесценных мгновений.

Стоило отвернуться от «Карнавала» и уже считать себя спасенной, как в спину отравленным клинком вонзился голос главной кадровички:

— Веста! Ну наконец-то! По тебе все уже соскучились! Ну что ж ты не заходишь?

Если целый день не везет, то даже несколько сладких оргазмов и еще вот это вот выражение лица кадровички, когда она увидела, что сделали с Вестой волшебницы из салона, спасти ситуацию не могут.

Хотя, конечно, делают ее чуточку приятнее.

8. Веста и ее сражение

Внутри ресторана веселье было уже в полном разгаре, дым стоял столбом, музыка гремела, метались разноцветные лучи прожекторов, подсвечивая еду нездоровыми синими и зелеными оттенками.

Старшее поколение сотрудников собралось в одном углу, где усиленно налегал на водочку и закуски. Среднее скучковалось в кальянной зоне, где мерялось смартфонами и вейпами под вискарик. Младшее задорно отплясывало на танцполе, не выпуская из рук разноцветные коктейли.

Судя по тому, что еды на столах было намного меньше, чем алкоголя, опоздала Веста изрядно, и кондиция у народа была уже соответствующая... Зато пропустила официальную часть, что не могло не радовать.

— О, Веста, Веста! — замахали ей девчонки-переводчицы, с которыми они обычно ходили вместе обедать и сплетничать. — Мы тебе шампанское приберегли, «Асти Мондоро», как ты любишь!

— И бутербродов с икрой!

— И креветок!

— И «рафаэлки» твои любимые, иди скорее!

— А я клубнику у айтишников отобрала!

Все же они были такие милые! Ждали ее, берегли эту несчастную зимнюю, безвкусную как вата, клубнику, которую теперь придется есть из чувства долга. И пусть более традиционных и нажористых салатиков Весте не досталось, она удачно начала с шампанского, сразу догоняя — на голодный-то желудок и нервы! — присутствующих по уровню веселья.

Она даже успела расслабиться и краешком разума заметить, что жизнь-то налаживается, когда над столом нависла тень финансового директора.

«Ну все, — подумала Веста, натягивая на лицо вежливо-заискивающую улыбочку. — Щас сопью... спою!»

Но, оказывается, бывают вещи похуже караоке.

— Весточка, что ж ты к нам не подошла! — улыбнулась финдирша, жестом приглашая ее к столу, где сидела вся старшая женская часть фирмы. Из-под полы уже достали наливочки и настоечки, фирменную соленую семужку, огурчики по секретному рецепту и традиционные фаршированные грибочки от тети Оли — хотя в ресторан со своим вообще-то было нельзя.

Но молоденькие мальчики-официанты старательно отводили глаза, не решаясь связываться с главным женским боевым отрядом. Их и так уже каждого по разику за задницу ущипнули, о продолжении думать не хотелось.

Весту ласковость главной акулы их аквариума не насторожила, а зря.

Она отказалась от наливочек, похвалила грибочки и поперхнулась огурчиком, когда ее без перехода в лоб спросили:

— Ты уже вещички в Египет собрала?

— Нет, рано вроде... — проблеяла Веста, откладывая на всякий случай всю остальную снедь. Не кормить ее позвали, ох, не кормить!

— Тоже верно, десять раз передумаешь, погода изменится... — намекающим таким

тоном сообщила финдирша.

Какая погода? Минус двадцать в Москве или плюс двадцать в Каире? Но это Веста решила вслух не говорить. Чувство самосохранения подсказало ей, что напоминать этим людям, что она едет в плюс двадцать из минус двадцати будет неосмотрительно.

— Дождик пойдет, например... — раздался голос кадровички.

— Ну или планы какие... внезапные появятся.

Веста покивала, а истребитель зашел на второй круг:

— А составила уже маршрут?

— Там же экскурсии...

— Точно!

— А список подарков?

— Не знаю, на месте посмотрю, — попыталась она отболтаться.

— То есть, ты еще не настроилась на поездку и не готова... Может не очень-то и хотела? — сделала мгновенный вывод пожилая редакторша из дальнего угла, заливая в себя очередную настоечку.

— Я?! — возмутилась Веста.

Она была в шоке. Это она-то не хотела? Она?

Да она сегодня оказалась в постели с незнакомым мужчиной, которого первый раз увидела за пять минут до этого только потому, что хотела полететь в Египет!

Да она сейчас хорошенько подумала, приняла для храбрости и решила, что, пожалуй, попросит еще раз Марьяну представить ее ведьме Кассандре! Только пусть теперь ее заранее встретят!

— Мы тут подумали, Веста, ты еще молодая, успеешь мир посмотреть... — истребитель вышел на боевую траекторию.

И бомбы посыпались на мирный город!

— Вся жизнь впереди.

— Денег потом будет больше, позволишь себе излишества.

— А сейчас... Сейчас-то что там делать?

— На каникулах так удобно поработать, поучиться, когда никто не отвлекает.

И контрольный:

— Ты ведь добрая девочка?

— Не поняла? — Веста рукой отогнала веселые пузырьки, которые лопались у нее в голове от шампанского и утащила кусочек сервелата с тарелки.

В надежде протрезветь. Или проснуться.

— Ты же боишься! Заранее! Вон какая бледненькая! — наехал кто-то на ее безупречно выровненный тон кожи.

— Говорят, если у человека необъяснимая фобия — это предчувствие смерти... Его душа ощущает будущее, причину безвременной гибели!

— Так, стоп! — Веста моргнула и посмотрела на склонившихся над ней гарпий. — Это вы к чему?

— Отдай путевочку-то, — прямо высказалась финдиректорша. — А тебе карма хорошая зачтется. И бояться больше не надо. Разве психолог поможет от страха смерти?

— Ой! — Веста собралась, скучковала мысли и вылепила из них сочный кукиш. Спихватились! Нажрались и пожадничали. — А я вот как раз от психолога! И знаете, один сеанс — и сразу все прошло! — заявила она с наглым видом.

Ну, насколько сумела изобразить наглый вид.

Она же почти и не врала. Ведь тот мужчина — когда она говорила про него «мужчина» даже в мыслях, внизу живота что-то сладко сжималось против ее воли — ответил, что он настоящий психолог. Очень, очень плохой психолог, нарушающий все возможные этические нормы — как думала тогда Веста.

А теперь и не знала, что думать.

Может ли быть столько психологов на квадратный метр арбатского переулка?

Чего только в жизни не бывает!

И чудеса случаются — она улетала в его руках так высоко, что где-то там, в бездонной звездной темноте небес могла больше не бояться полетов.

— Совсем-совсем прошло? Совсем не боишься?

— А давай проверим? — с наглостью гопников старшее поколение зажало бедную Весту в углу, поставив перед ней планшет.

Аэрофобия есть? А если найду?

Ей последовательно проиграли ролик из авиасимулятора, видео с садящимся самолетом и даже кадры авиакатастрофы. И после каждого захода пристально вглядывались в лицо.

Веста сжимала зубы, вынужденно улыбалась, а золотистые веснушки удачно скрывали, как она бледнела на самом деле.

— Неприятная ты какая-то сегодня, Веста, — вынесли ей вердикт. — Отдай наши огурчики, иди к девчонкам своим.

Казалось бы — свобода?

Но кадровичка осталась в седле даже в такой безнадежной ситуации. Ведь начальников HR-отдела дьявол посылает на Землю, чтобы забрать у людей всю радость жизни.

— Ну и ладно, — подхватила она Весту под локоть. — Зачем, в самом деле, этим старушкам лететь? Им уже к земле привыкать пора, а не к небу. Ты молодец, да. Но, знаешь, в Египте одинокой женщине так опасно! Взяла бы кого-нибудь из мужчин!

Веста не успела открыть рот, а ее уже подтолкнули к программисту в свитере с оленем. У оленя был красный пластиковый нос и косоглазие.

— Мишенька, например, тоже любит Египет!

9. Веста и ее бегство

На танцполе играла какая-то то ли новогодняя, то ли рождественская медленная мелодия, и Весте пришлось согласиться, когда Мишенька протянул ей ладонь, приглашая на танец. Неудобно как-то было парня отталкивать, как будто он совсем противный.

— Любишь Египет? — вежливо спросила Веста, покачиваясь с едва уловимой амплитудой. Она положила ладони ему на плечи, и ткань свитера неприятно колола их, так что хотелось чесаться.

— Не очень. Бедуины эти немытые... дикари, — скривился Мишенька.

И сразу разонравился Весте.

Хотя не сказать, что до этого она его прямо любила.

— Это одна из самых древних цивилизаций... — попыталась она сказать, но Мишенька уже не слушал.

— Хочешь, я нажму кнопку, и у оленя загорится нос? — спросил он и полез куда-то за пазуху, выпустив Весту из рук.

Чего ей точно не хотелось — это лицезреть Мишенькин дряблый животик, который обнажился при этом действе, но об этом ее никто не спросил.

Зато очень удачно кончилась песня, и Веста, воскликнув: «Какая красота!», отпрыгнула от Мишеньки, у которого на свитере и правда светился олений нос.

Мишенька вообще-то был неплохим парнем. Всегда безропотно помогал подвинуть мебель и приносил кофе, если его попросить. Был вежливым и всегда в выглаженной рубашке. Но очень уж тоненько хихикал, когда играл в «Доту» за рабочим компом. И еще с ним была связана какая-то романтическая история, ходила в офис девушка с опухшим красным носом, пыталась прорваться через охрану.

Веста тогда еще удивилась, она была уверена, наверное, из-за смеха, что Мишенька не очень девушками интересуется.

В общем, героем, достойным второго билета из выигранной путевки, Мишенька не был. Несмотря на светящийся нос оленя.

Но кадровичка зорко следила за Вестиной потенциальной нравственностью в Египте и, стоило избавиться от оленя, сразу предложила замену:

— А вот еще Сережа отличный парень! — провозгласила она, цепляя Сережу за рукав.

Тот не был настолько оленем, насколько Мишенька, к приказам посторонних женщин не привык, поэтому сначала вырвался, потом смерил агрессоршу уничтожающим взглядом и только потом обратил внимание, на что его соблазняли.

— Сережа! Тут у нас Веста ищет, с кем лететь! — провозгласила несломленная кадровичка, тут же поднимая свои акции на несколько пунктов. — На Новый год! Одной же нельзя, а Весточке не с кем!

Веста в этот момент мгновенно вспыхнула алыми зорями. Спасибо, в мечущейся огнями полутьме и зеленоватой подсветке этого видно не было.

Сережа — серьезный, высокий, темноглазый, с темно-синей спортивной «Тойотой» — он нравился ей с самого первого дня в компании. Поэтому она только сильнее склонялась над клавиатурой, когда он проходил мимо, никогда не просила его поменять бутылку в кулере и, если видела, что он уже зашел в лифт, отворачивалась и делала вид, что совсем не спешит на свой этаж.

Короче, ни единого шанса привлечь его внимание у Весты не было, но сегодняшняя ее личная Купидонша сделала все за нее.

— Лететь? Куда? — Сережа поскреб свою сексуальную трехдневную щетину и с интересом посмотрел на Весту.

— В Египет же! Бесплатная путевка, а Веста...

— Путевка... — Сережа тщательно ощупал взглядом Вестины колени, потом бедра, потом задержался на груди, и глаза его стали масляными.

Ей захотелось загородиться, спрятаться, укутаться — хоть в пуховик. Еще почему-то в душе росло возмущение. Да как он смеет вот так нагло, сально смотреть! Смотреть туда, где ее трепетно целовал мужчина с теплыми глазами — так благоговейно, словно возносил молитву и коленям ее, и бедрам, и груди... Особенно груди.

Липкий взгляд симпатичного ей когда-то Сережи словно стирал эти нежные отпечатки совсем других губ, и их стало до обидного жалко, захотелось закричать: «Прекрати! Прекрати!»

Пока Сережа решал, стоят ли его высочайшего внимания Вестины прелести или даже халявная поездка в Египет недостаточная плата, дело в свои руки взял Андрей, их менеджер по социальным сетям, высокий болтливый блондин, который никогда не упускал случая получить выгоду.

— Веста! — обрадовался он и сразу прошелся ладонями по всем местам, где пока Сережин взгляд только лениво скользил. — Тебя-то я и ищу! Разве ты не обещала мне танец?

— Обещала? — нахмурилась Веста, стараясь как-то незаметно освободиться, но тот лишь крепче прижал ее к своему твердому торсу.

— Тебе? — удивилась кадровичка.

— Конечно! — ответил он обеим, крутнул Весту, уводя из-под взгляда Сережи и потащил ее в центр толпы на танцполе. — Короче, так. Летим вдвоем, чемоданы легкие я привезу, закупимся масляными духами, бабы сейчас по ним текут, стоят копейки, продавать можно как люкс! — жарко зашептал он Весте на ухо, кружа ее в энергичном танце под заунывную «Jesus to a Child» из колонок. — Я тебе все места покажу, расскажу, жить будем вместе, тебе понравится, а если и ты мне понравишься, то с прибыли подарю айфончик. Устраивает?

Веста аж задохнулась от такой наглости.

— Нет, позволь, — тут их нагнал проснувшийся Сережа, в котором в свою очередь проснулся инстинкт охотника. — Девушка взывала о помощи ко мне! Веста, ведь мы вдвоем летим?

И руку Андрея на талии сменила рука Сережи, не менее наглая.

— Вест, а хочешь я тебе свитер с елочкой куплю, у нее гирлянда будет зажигаться? — вдруг откуда ни возьмись вынырнул Мишенька, подбадриваемый кадровичкой.

— Послушай, да не гляди ты на этого идиота, — продолжал гудеть на ухо Андрей. — Мне Ленка сказала, у него десять сантиметров в лучшие годы, поверь мне, я тебя не разочарую...

— Веста, я тебя подвезу, — настаивал в другое ухо Сережа.

Моргал лампочкой нос оленя, и Весте хотелось зажать уши и завизжать.

Но она была вежливой и скромной девушкой, поэтому только топнула ножкой и заявила:

— Ни с кем не полечу!

— Как так? — удивились все четверо хором. — Одна?!

— Не одна! У меня... — она судорожно искала, кого бы назвать. С папой? Глупо. С мамой? А как же без мужчин... Приплести айтишника Ваню, который честно надирался сидром в углу и не участвовал ни в борьбе за путевку, ни в охоте на податых юных продажниц?

На лице Андрея расплывалась понимающая ухмылка, в глазах Сережи разгоралось презрение и даже до Мишеньки доходило, какая легкая добыча эта глупая Веста.

— У меня жених есть! — в отчаянии соврала Веста.

— Да кто твой жених-то? — удивилась кадровичка. — Первый раз слышу. Когда успела?

— А вот сегодня и успела! — самозабвенно продолжала сочинять Веста. — Психолог, у которого я была. Любовь с первого взгляда! Искра, буря, безумие — и вот мы летим в предсвадебное путешествие в страну фараонов!

— Да врешь ты все! — ее, конечно, тут же раскрыли.

Но она топнула ботильончиком и мотнула головой. Выхватила у кого-то бокал шампанского и опрокинула его в себя:

— Не вру! Давайте выпьем, я плачу! Отмечаем мою помолвку!

— Не бывает такого!

— Бывает!

— Вот и проведите каникулы дома, согрейте друг друга! — вдруг активизировался возрастной уголок. — Куда вам лететь? Он там на девок насмотрится голых, передумает еще.

— Не-не-не, Веста, ты мне уже обещала! Уговор дороже денег, это бизнес! — нависал сверху Андрей.

— Весточка, а ты хорошо подумала? Это не психолог, а проходимец! — была чертовски права кадровичка.

— Этот проходимец заедет за мной и объяснит вам, что так нельзя! — почти в слезах врала она отчаянно, как первоклассница, уже понимая, что никто ей не верит.

Они обступали ее как несвежие зомби — покачиваясь и бормоча каждый свою версию ее будущей жизни. Кто-то пьяный, кто-то злой, кто-то азартно стремился откусить кусочек халявного пирожка. Даже как-то потемнело, словно они загораживали ей свет, и Весте захотелось сесть на корточки и закрыть голову руками.

Но оказалось, в зале просто выключили прожектора — и вот уже на сцене в противоположном конце помещения вспыхнул свет.

— А теперь — караоке! — объявил кто-то радостно. — Где же наша Снегурочка!

— Веста, спой!

Еще и эти!

Веста в отчаянии крутанулась на каблуках, ища просвет в наступающих на нее претендентах на Египет и пошла на прорыв в ту сторону, где путеводным маяком мигал красный нос оленя Санта-Клауса. Мишенька был слабым звеном.

Она взлетела на сцену в мгновение ока, растрепанная, гневная, и глаза ее сверкали от шампанского и того, что внутри бурлило дикое возмущение сегодняшним каким-то потрясающе неудачным днем.

— У вас есть «Гражданская Оборона»? — она схватила у диджея микрофон и снова притопнула каблучком.

— Есть... — проблеял тот и полез в комп искать мелодию.

— Я хочу спеть... — сказала Веста в микрофон, оглядывая толпу перед сценой. Толпу людей, которые ей лишний раз на работе «Здрате» ленились сказать и дружили только когда от нее было что-то надо. Они называли это «все тебя любят». Использовать любят, ага. — Я хочу спеть песню под названием «Пошли все на...»

И сообразительный диджей вовремя рубанул звук.

— Веста! — возвала к ее совести качающая головой добрая бухгалтерша Анна Сергеевна. — Ты же хорошая девочка, мы же дали тебе выиграть путевку, а ты вот как? Вот так к нам?!

Веста отбросила от себя микрофон, громко повторила название песни, справившись и без него, так что отголосок ее мнения донесся даже до начальства и расхохоталась.

Она смеялась, глядя на их лица, пока бежала, расталкивая толпу и натываясь повсюду на истошно-розовый неон, пока не выскочила на улицу, где судорожно глотнула морозный воздух и вдруг нервный ее смех перерос в слезы.

Черт возьми, как же ей хотелось, чтобы сочиненная ею сказка про жениха-психолога, который сейчас приедет и всем им тут покажет, оказалась правдой!

Но, увы, приехало за ней только такси, которое и увезло ее напрямик к родителям. Где еще прятаться от жестокой реальности, как не в отчем доме?

10. Кирилл и его друзья

— Вспоминай! Что ты о ней знаешь?

Духи, ботильоны, пуховик.

Чулки, ах, чулки!

Обжигающие прикосновения, крышесносные стоны, ее запах... за которым пойдешь хоть на край света.

— Кирилл, алло! Земля вызывает Кирю!

Перед его глазами помахали, и Кирилл очнулся.

Первое, что он сделал, после того, как они с двухметровой «Вестой», оказавшейся Васей, попытались начистить друг другу морды, но в итоге помахались-помахались, да и примирились — позвонил друзьям-идиотам.

И ледяным тоном, таким, что даже Вася попытался стать в два раза меньше, приказал им незамедлительно прибыть под его темные очи, мечущие громы и молнии.

Друзья от такого тона изрядно напряглись и — явились.

Вася попытался набить бывшим одноклассникам Кирилла Андрею и Вите морду за подставу. Те откупились от Васи тройным тарифом, а перед Кириллом повинились как положено — головы склонив и напомнив, что повинную голову меч не сечет.

Все же хорошо кончилось?

Да нет. Не хорошо.

Пришлось Кириллу все им рассказать, чтобы получить хоть какую-то помощь.

Все, да не все.

Про настоящую Весту.

Про то, что готов всю Москву перевернуть, только бы найти девушку.

Про ее волосы, про взгляды, про невероятную красоту...

Но умолчать про стоны и золотые искры в темноте небес.

Глаза в момент рассказа у него стали такие... Одновременно мечтательные и живые, какими уже много месяцев не были.

Его друзья переглянулись.

И молчаливо решили, что согласны быть покрытыми любой толщины слоем нецензурных выражений, лишь бы Кирюха опять был такой вот живой, а не как обычно.

Поэтому когда он перешел на рык и потребовал исправить все, в чем они накосячили, подобострастно закивали и только что в ножки ему не бухнулись.

Перед Васей извинились — ему в заказе написали, что вызывают его на вечеринку студентов повеселить, отыграть разнузданного трансвестита.

Сам-то Вася — он не такой. Дочка у него и жена молодая!

В конце декабря обычно активно заказывают Дедов Морозов, но у него напарница-Снегурочка в декрет ушла, а один дедушка выглядит подозрительно и никто его не берет. Вот Вася и обрадовался хоть какому заказу. А тут оказывается — драма! Подстава! Дурные шутки.

И настоящую Весту теперь надо искать, потому что парень-то сам не свой.

Вася девушку видел мельком, пролетела она мимо вихрем, но согласился, что духи были вкусные и мордашка вроде ничего. Стоит того, чтобы поискать. Особенно, если любовь.

— Кирюх, ну кроме волос и ботильонов еще приметы есть? Маловато будет! —

взмолился Андрей — именно ему изначально принадлежала идея подарить Кириллу проститутку.

За это он и был назначен основным ответственным за операцию по поиску Весты.

«Потому что неважно, кто пришел — проститутка или трансвестит, главное — в самый неподходящий момент».

Витя-балагур, который и придумал заменить настоящую проститутку на трансвестита, был напротив — помилован. Временно. Потому что оперативный штаб по поискам Весты пришел к выводу, что девушка вряд ли простила бы настоящую жрицу любви, доведись им столкнуться в дверях.

На всякий случай петлю с Витиной шеи снимать, однако, не стали. Вдруг все же Веста оскорбилась именно на гротескный образ со своим именем.

Поэтому Вите тоже очень хотелось быть полезным.

— Как она вообще у тебя дома оказалась?

— Ну не знаю! — в отчаянии Кирилл уткнулся в свои ладони, потер ими лицо. — Что она могла делать в моем дворе? Туалет искать?

— И часто у тебя тут туалет ищут? — любопытно спросил Вася.

— Ты не представляешь... — тоскливо отозвался хозяин дома. — Арбат рядом, туалет там днем с огнем не найти.

— И тут приличная девушка вместо того, чтобы зайти в кафе, решила позвонить кому-нибудь домой...

— Она не звонила, я сам открыл, я же ждал...

Кирилл широким жестом указал на Васю.

— Заходит девушка, которая хочет писать, в чужую квартиру, видит — мужик годный. И сразу — хватать! — предложил вариант развития событий Витя. — А чего стесняться?

— Так! — взвился Кирилл.

Витя тут же вспомнил про петлю и неловко повел шеей, будто и правда ее там ощущал.

— Успокойся, — потрепал Кирилла по плечу Андрей. — Лучше вспомни, о чем вы говорили? Хоть что-нибудь.

— Да не говорили мы...

— Прямо взял и сразу в койку? — восхитился Вася.

Он между делом достал из своей сумочки со стразами средство для снятия макияжа и аккуратно отлеплял ресницы и стирал свекольный румянец.

— Вот ты чудовище, Кирюш! — хохотнул Витя. — Надо было и правда реальную заказать, раз ты так оголодал. Успел ее?

— Я тебе... — Кирилл начал подниматься из кресла, но Вася ненароком положил лапищу с наклепленными ногтями в стразах ему на плечо и встать не удалось.

— Значит, успел... — заключил Витя. — Молчу, молчу! — сделал он успокоительный жест. Чо ты так бесишься-то? Золотая она у нее там была, что ли?

— Вить...

— Да ладно тебе... Не о том думаешь! Ты сейчас вообще без мозгов. Давай-ка вспоминай, а то не сумеем найти.

— Каждое слово вспоминай! — подбадривал Андрей. — Самую ерунду, которая тебя удивила или сбила с мысли.

Кирилл нахмурился, но тут же просиял:

— Точно! Она спросила, точно ли я психолог, я еще удивился! И потом удивлялась, что

терапия такая странная.

— Кири-и-и-ил... — отбил себе лицо ладонью Андрей.

— Ага! То есть баба пришла к психологу и ни разу не удивилась, что он начал ее лапать.

Странная баба, — кивнул Вася. — Она тебе точно нужна?

— Психологи у нее были те еще... — кивнул Андрей.

— Ну, Кирюша только подтвердил репутацию отрасли, — Витя на всякий случай отсел на диване подальше. — Вот так и складывается мнение о специалистах.

Кирилл показал ему кулак и на всякий случай запомнил — убить лучшего друга. Вот поможет найти Весту — и в расход.

— То есть, она не удивилась месту и действию, слегка удивилась, когда дело дошло до... — Андрей запнулся. — Дела... и как вы выяснили, что это все же не терапия?

— Она мне деньги начала совать, — вспомнил Кирилл и аж сжался от стыда.

— О!

— Много денег?

— Много... я меньше беру.

Андрей и Витя переглянулись.

И подвели итог:

— Так, нам нужен обнаглевший психолог с телесными практиками, который берет даже больше нашего оборзевшего друга...

— Вить, пройди по окрестностям, вывески посмотри. Вдруг повезет?

— Думаешь, будут вывески? — усомнился тот. — Чтобы налоговая нашла?

— И то верно. Гугл-карты открой.

Витька выловил из глубокого кармана джинсов телефон-лопату размером со свою ладонь и принялся рыться в картах, тыкая на каждый дом в окрестностях, читая обо всех фирмах, что там когда-либо существовали. Кто ж будет следить за актуальностью информации?

— Кирюх, а сам не знаешь, кто у тебя в соседях? — тем временем поинтересовался Андрей.

— Кого только не было... — скривился тот. — Все хотят офис на Арбате. С начала двухтысячных тут и экстрасенсы были, и заводчики пекинесов, и даже подпольный денежный цех.

— Один ты как лох — не стал делать свой кабинет в таком козырном месте и принимаешь где-то на окраине. Потому и дешевле проститутки берешь!

— Андрюш, я же все-таки засвечу тебе однажды, — устало сказал Кирилл. — То я у тебя оборзевший, а то лох...

— Оборзевший лох, — подвел черту Вася.

На него Кирилл смотреть не стал. Кураж и ярость схлынули и теперь он не был уверен, кто победит в равном бою.

— Смотри! — вдруг воскликнул Витька. — Телесные практики ведьмы Кассандры, дипломированного психотерапевта! Вот буквально соседний подъезд. Думаешь, она?

— Звучит как бордель, — усомнился Вася.

— Неудивительно, что твоя Веста не удивилась твоему поведению.

— Но приняла его за Кассандру?

— Ой, в наше время кого только за Кассандру не примешь, — отмахнулся Витек.

— Ну что, пойдём, ребята, — вставая, размял кулаки Андрей. — Выясним, что там за

Кассандра и что за практики... Может, даст нам ключик-то.

11. Кирилл и его соседка

Говорят, под новый год случаются всяческие чудеса. Встречаются люди, которые не могли бы встретиться в обычной жизни, проникают друг в друга миры людей — Золушка попадает на бал, бедная сиротка выходит из леса с подснежниками, а президенты исполняют желания простых смертных.

Несмотря на то, что Кирилл и ведьма Кассандра жили бок о бок лет пять и даже имели одну смежную стену — у него это была ванная, а у нее гардероб, их миры не могли соприкоснуться даже случайно.

Все получилось только потому, что в московском морозном воздухе серебряными бубенцами звенели предновогодние надежды и мечты миллионов людей.

Что заставило Кассандру открыть дверь четверем мужчинам, один из которых выглядел как типичный московский хипстер с большими деньгами и в кашемировом шарфе, другой щеголял в кожаной заклепанной косухе и мог похвастаться огненно-рыжей бородой, третий говорил слегка манерным голосом и носил розовую рубашку с узкими джинсами, а четвертый был двух метров ростом и с пудовыми кулачищами, но зато в коротком блестящем платье и на каблуках, пожалуй, останется тайной навсегда.

Компания из Кирилла, Андрея, Вити и Васи — соответственно, в порядке описания, замерла на пороге квартиры и по совместительству кабинета ведьмы тоже в некоторой оторопи.

Потому что выглядело ее жилище как помесь страшного сна поклонника Твин Пикса и тяжелого приступа маниакального психоза работника пещеры ужасов из парка развлечений.

От черно-белых зигзагов на полу, отражавшихся в зеркалах на потолке, рябило в глазах. Стены были завешены алыми бархатными шторами — и те же шторы в случайном порядке свисали с потолка.

Так же с потолка свисала неопрятная серая паутина, покрытые патиной старинные лампы и сухие веники, пахнувшие пижмой и геранью.

На стенах красовались зеркала с отколотой эмалью, на столиках тут и там стояли хрустальные шары, пирамидки и кубы, преломлявшие свет многочисленных свечей. Некоторые из свечей были электрическими, от других шел густой дух ладана.

Ведьма Кассандра предстала перед честной компанией в черном балахоне и с огромным кулоном в виде глаза. Зрачком глазу служил рубинового оттенка камень. Волосы ее были черными и всклокоченными, глаза густо подведены, зато длинные пальцы с алыми когтями выглядели очень-очень белыми.

Кирилл со страхом подумал, что на телесные практики к ней не решился бы прийти никогда в жизни.

— Баба Яга какая-то, — пробасил слишком непосредственный Вася откуда-то из-под потолка. К счастью, потолки в этих домах были высокие, так что головой он не упирался, но все время отгонял от морды кусок паутины.

У Кассандры так блеснули глаза на этих словах, что Кирилл поежился.

Она была одновременно смешна и страшна.

— У глупца в глазах солнца свет, у умного — свет зари, — заявила она с очень значительным видом. Кирилл по привычке попытался найти в ее словах смысл, но не преуспел.

— Возможно... — отозвался дипломатичный Андрей. — Но мы к вам по другому вопросу. Была ли у вас сегодня назначена встреча с девушкой по имени Веста?

И все замерли, не дыша, в надежде, что сейчас проблема решится сама собой.

Но по фразе про глупца можно было догадаться, что просто не будет.

— Темные тучи отражают темные мысли, лишь тот, кто видит будущее, может узреть ответ, который недоступен смертным, — заявила Кассандра, развернулась и, махнув юбками, поплыла куда-то вглубь квартиры.

— Чо она сказала? — сунулся Витька к Андрею. — Ты понял?

Кирилл поспешил за хозяйкой, надеясь на более внятный ответ.

Пока он стоял и обалдело моргал, глядя на комнату, всю укутанную полупрозрачной газовой тканью густого фиолевого оттенка, Кассандра развернулась к нему, ткнула пальцем в занывший живот и заявила:

— Я тебя знаю! Ты камень на пути ручья! Тяжелое бревно на легкой дороге! Ты муж бесполезный!

— Чей муж? — испугался он.

— Той, что ушла к звездам...

Кирилл так и застыл, глядя на ведьму, что прошла к упрятанному среди полотнищ ткани стулу и села, глядя на него ехидно и зло.

— Кто ушла к звездам?

— Та, что сердце украла, радость украла, да и унесла другому!

— Что она несет? — нахмурился Андрей.

Кирилл вроде все слова понимал, да еще ощущение было, что вот-вот откроется истина, но сосредоточиться не получалось.

— Жена у тебя была, что ли? — спросил вдруг Вася. — Которая от тебя ушла к кому-то богатому и знаменитому? А ты ушел в тоску?

— Д-да... — неуверенно ответил Кирилл. — А ты откуда... — и тут до него дошло: — Так это та гадалка, что заморочила Аленке голову!

— Постой... — Андрей встал у него на пути, а Вася снова придержал за плечо. Кирилл и не заметил, что рванулся к Кассандре всем телом. — Ты о чем?

— Да Алена! Алена мне говорила, что ей суждено сиять! Как звезда! А я ей мешаю! Ей предсказали! А я-то дурак, думал, о чем она! Вот, значит, кто прополоскал мозги моей жене?!

Кирилл развернулся к Кассандре, и в его взгляде она прочитала свою смерть.

Наверное. Потому что взвизгнула и бросилась к окну, снося по пути зеркало, напольный подсвечник и пару столиков, с которых с хрустальным звоном посыпались разноцветные колдовские шары, раскатываясь по полу.

— Чудо не приходит в дом, где не поют! Семь птиц белых и семь черных соберутся вокруг твоей могилы! Свет прорвет худой мешок! — вопила по дороге Кассандра, даже в тяжелые времена не выходя из образа. Может быть, у нее там, за образом, и не было уже ничего.

Шустрая она оказалась — жуть! Только в самую последнюю секунду перед тем, как она чуть не нырнула в окно, Вася успел ухватить ее за шиворот, за ногу, за подол юбки — и так втащил обратно в комнату, на всякий случай выглянув на улицу. Под окном была клумба, укрытая высоким сугробом. Ведьма знала, куда прыгать.

— Прокляну! — вдруг прорезался в ней человеческий слог. — Тремя водами и эфиром,

голосом предков и финансовой ямой обернется тебе...

— Так, хватит этого цирка! — вдруг рявкнул Вася.

Кириллу тоже хотелось, но у него не вышло бы так внушительно и громко.

Но ведьма не сдавалась. На этот раз она повернулась к Васе и, кажется, впервые разглядела его блестящее платье и туфли.

Сощурилась ехидно и начала:

— Мужики женовидные ядом отравлены. Тихий полог накроет корень, высосав силу.

— Для всякой ведьмы есть свой огонь, — сообщил ей Вася. — А для всякого вопроса — верный ответ. Неверный ответ — путь к огню. Уяснила? Я, между прочим, потомственный шаман! А ты шарлатанка.

— В верхних мирах пьют и поют, нас не видят...

— Я тебя в нижний засуну! — пообещал Вася, нависая над Кассандрой. — Все, быстренько заткнулась и объяснила нам, ждала ли ты девушку по имени Веста сегодня?

— Пустые пути обещаны золоту.

— Ждала, хотела бабла, но не пришла, — перевел Вася, обернувшись к друзьям. — Как она на тебя вышла? Телефон есть?

— Длинные языки и короткие пути временами переплетаются в иную судьбу...

— А той, что с длинным языком, телефон есть?

Кассандра зыркнула в сторону боковой двери, и Андрей с Витькой тут же направились туда.

За дверью наконец-то была самая обычная комната. Разложенный диван с несвежей постелью, стол с коробочками лекарств, телевизор и комод. Все очень старое, словно еще из восьмидесятых годов. Кроме телевизора. И мобильного, что лежал на тумбочке.

Андрей молча протянул ведьме телефон, а Вася мотивировал:

— Лживая душа кончает в темных лесах. Буквально.

Кассандра оскалилась и протянула ему телефон с выбранным контактом.

— Нет, — вмешался Кирилл. — Пусть сама позвонит и назначит встречу под любым предлогом. Прямо сейчас.

Ведьма зыркнула на него нехорошо, но Вася угрожающе кашлянул, и та нажала кнопку.

— Марьяшечка-душечка, отплатить добром за добро надобно и ведьмам. Амулет для хозяйки должен рук коснуться не позже полуночи.

Кассандра нажала на громкую связь и визгливый женский голос утомленно сообщил:

— Ну я уже дома... Спать собиралась. Приедешь сама?

Кирилл кивнул в ответ на взгляд Кассандры, и та проговорила:

— Сила ведьме важнее гордости.

— Первомайская улица, сорок пять, квартира три. Давай быстрее только.

Кассандра бессильно уронила поднятую руку. Кирилл подхватил телефон и положил на подоконник.

— Поехали, — сказал он друзьям. — Вась, ты с нами?

— Нет, я тут останусь... — Вася присел на корточки, глядя ведьме в глаза. — Я ж не шучу про шамана. Сейчас я из нее все вытащу, все разрушенные судьбы отработает. Ну и подежурить надо кому-то, если вдруг обманула.

— Окей... — Кирилл застегнул куртку и посмотрел на Андрея с Витей. — Ну что? Помчали?

12. Кирилл и его надежды

Дверь квартиры номер три оказалась без глазка и распахнулась после первого короткого звонка. Появившаяся на пороге женщина в коротеньком расписном халатике и с сигаретой в длинном мундштуке, кажется, совсем не удивилась гостям.

Она была невероятно пьяна.

— Ого! Сразу трое! — восхитилась она, переводя плотоядный взгляд с Кирилла на Андрея, а с Андрея на Виктора. — Смотрю, мои мечты исполнились даже раньше, чем я получила амулет... Идемте, мальчики. У нас будет долгая ночь!

Она развернулась и направилась вглубь квартиры, демонстративно покачивая бедрами.

«Мальчики» с опаской переглянулись. Только что их окутывал азарт погони и ярость битвы, а вот всего пара слов... и как-то вдруг захотелось, чтобы большой и сильный Вася был рядом!

Они прошли через ряды занавесей из стекляруса, мелодично звенящих от каждого прикосновения и из узкого коридора попали в гостиную-кухню, этак по-европейски объединенную в большой зал для того, чтобы вместить шест для стриптиза и огромный белый диван, огибающий его подковой.

— Садитесь... и наслаждайтесь шоу прекрасной Марьяны! — заявила женщина, скидывая халатик и шелкая пультом.

Свет в комнате погас, зато замелькали разноцветные огни и зазвучала бодрая музыка.

Кирилл зажмурился. Просто на всякий случай.

Но потом осторожно приоткрыл один глаз.

Вопреки его страхам, Марьяна не осталась голой, хотя одеждой те полосочки ткани, что расчерчивали ее тело, было назвать сложно. Однако в тот момент, когда он ее увидел, она как раз висела вниз головой, цепляясь за шест только лодыжками, раскинув руки, так что одежда была не главной его проблемой.

— Во дает! — сказал Андрей.

— А-бал-деть! — поддакнул Витя, когда Марьяна ловко взобралась по шесту до потолка и съехала вниз, демонстрируя красивую, накачанную упражнениями задницу. Даже Кирилл восхитился, хотя у него в голове все еще звенели бубенчики и взрывались фейерверки от Весты.

Правда он тут же подумал, что у нее эта часть анатомии нежная, аккуратная, не такая... агрессивная.

И тут же отчаянно заскучал по ней. По Весте. Как можно скучать по девушке, с которой не обменялся и десятком слов и вообще виделся всего час? Он не задумывался. Не до того было.

Музыка становилась все агрессивнее, а Марьяна совсем разошлась — она выгибалась и крутилась на шесте, умудрившись в полете согнуться так, что мимоходом подхватила с кухонной стойки бутылку виски, а при следующих пролетах — сняла с подвеса три бокала.

И, ловко выставив их перед друзьями, налила им выпить, все так же крутясь, но не забыв продемонстрировать пышную грудь.

Очень упругую. Андерей потрогал.

А Кирилл подумал — неужели в женской груди есть мышцы, которые можно качать? Очень уж мускулисто выглядела вся красотка — от груди до щиколоток, которые брали на

себя всю нагрузку, пока она выпендривалась на шесте.

Виски пролился в глотку как вода, особенно после того, как Марьяна вцепилась в шесть руками и развела ноги в воздушном шпагате.

А уж когда с щелчком отстегнулся лифчик, и девушка наконец спрыгнула на пол и угрожающе двинулась к дивану, Кирилл, глядя на агрессивно, словно пушки в морской крепости выставленные соски, прохрипел:

— Ребята, мы за чем пришли-то!

— За чем? — спросил Андрей, у которого ручонки уже тянулись к этим «пушкам».

— Зачем? — уточнил Витя, которого виски заинтересовал гораздо больше.

— Телефон Весты!

— Зачем вам эта дурочка? — проворковала Марьяна, присаживаясь на колени к Андрею — как наиболее заинтересовавшемуся, но протягивая руки к Вите, а длинные ноги умеща на Кирилла. — Я же лучше...

И, выгнувшись как кошка, она сняла с Вити шарфик, дернула пуговицы на пальто Кирилла и с очень задумчивым видом постучала ногтями по пряжке ремня Андрея.

Витя осторожно отодвинулся, Андрей поудобнее откинулся назад, а вот Кирилл, почувствовав, как шальные пальчики ноги поглаживают его по животу, резко вскочил и щелкнул выключателем.

Тут же логово порока и разврата залило пронзительно ярким светом.

Парни вздернули головы, а Марьяна заморгала, будто только проснувшись.

— Веста! — он подошел и пощелкал пальцами у ее носа. — Девушка. Молодая. Красивая. Брюнетка. Динь-динь? Есть отзыв?

— Ну, есть... — недовольно проворчала Марьяна. — Дурочка с работы.

— Ты послала ее к гадалке.

— К психологу! А что она дура такая? Аэрофобию лечить вздумала. Если у нее денег немеряно на такую хрень, пусть поделится с хорошими людьми! — Марьяна даже проснулась окончательно ради этого страстного высказывания.

— Телефон, — Кирилл скрипнул зубами. — Дай мне ее телефон.

Хотелось придушить эту мадам, но сначала надо было взять у нее то, что могла дать только она. Где еще искать Весту во всей огромной Москве?

— Да щас! — взвилась Марьяна и на минуточку даже отвлеклась от эротических извиваний на коленях Андрея. Тот покосился на Кирилла довольно недружелюбно. — Хамка такая! Ты бы знал, что она на корпоративе учинила!

— Мне неважно. Телефон.

— А как же я?.. — в одно мгновение из ревнивой фурии Марьяна переквалифицировалась в обиженную куколку. Надула губы, изогнулась и пальчиком потрогала грудь Кирилла, словно нежная кошечка, которую отогнали ни за что, ни про что. — Я думала, Кэсс подогнала мне вас, как подарочек...

К одному пальчику присоединился второй и, пока Марьяна смотрела в глаза закипающему Кириллу, ее руки медленно сползли к его поясу и ниже... ниже...

— Э... — она опустила глаза и пошарила в районе его ширинки поактивнее. — Я тебе не нравлюсь, что ли? Или ты гей?!

— Телефон! — Кирилл ухватил ее за запястья и отбросил от себя.

Марьяна кинулась на грудь Андрею и обвила его за шею, подобрав длинные ноги и обиженно оглядываясь.

Но аппетитную задницу выставить не забыла.

— Накажи меня, папочка! — провокативно заявила она при этом.

— Тьфу!

Кирилл отошел подальше и взлохматил волосы.

На друзей было мало надежды — Андрюха млеет под этой нимфоманкой, Витька скорчился в стороне, кажется, молясь, чтобы его не заметили.

— Андрюх! — рявкнул Кирилл. — Очнись!

— А? — друг перевел на него мутные глаза. — Аааа... Щас. Красотка... — он звучно шлепнул Марьяну по задку. — Дай-ка нам телефончик Весты.

— И ты пойдешь к ней?.. — захныкала та. — Бросишь меня?

— Нет, к ней отправлю ненужных друзей, а мы с тобой... — и его ладонь намекающе прошлась по ее бедру.

Марьяна покосилась на Кирилла, бросила мрачный взгляд на дернувшегoся Витю и вздохнула:

— Ну хоть один! Сейчас!

Она вскочила и быстро метнулась к стеклянному низкому столику, где лежал навороченный телефон. Нашла контакт и сунула экран под нос Кириллу. Тот быстро перепечатал его в свой телефон и тут же нажал вызов.

Увы...

«Абонент недоступен. Пожалуйста, перезвоните позднее».

— Черт...

Он вбил номер Весты во все мессенджеры, но она нигде не была зарегистрирована.

Набрал номер еще раз.

«Абонент недоступ...»

— Адрес! — рыкнул он, увидев, что Марьяна уже нацелилась выключить свет и продолжить.

— Не знаю я! Достал! Телефон взял и вали!

— А кто знает?

Свет погас, и мимо Кирилла скользнула задевшая его грудью тень, пахнувшая сладкой-сладкой женщиной... и от ее запаха его чуть не вывернуло наизнанку.

Он вспомнил, почему так и не смог завести себе новую подружку после того, как ушла Алена. Все те девицы, что с удовольствием вешались на него в клубах, куда он ходил первое время, вызывали у него отвращение. Они были слишком яркие, слишком громкие, развязные и даже близко не походили на то, что ему было нужно. Парни тогда уговаривали разок перешагнуть через себя, дальше, мол, станет легче.

Но во время первого же поцелуя Кирилла чуть не стошнило.

Он потом попробовал еще раз, списав неудачу на перебор с алкоголем и навязчивые духи девчонки. Но, увы, следующая вызвала в нем ту же реакцию.

Не то чтобы он совсем не пытался. Приглашал девушек на кофе, знакомился на улице. Но стоило приблизиться к ним на более-менее интимное расстояние, почувствовать тот самый запах женщины, настоящий на модных духах, как Кирилл начинало мутить.

Пожалуй, он согласился на авантюру друзей, чтобы еще раз проверить, не одумался ли его капризный организм. Но в тот момент, когда Веста появилась у его дверей, он даже не вспомнил, что были какие-то проблемы.

До этой секунды.

— Адрес? Никто не знает! — отрезала Марьяна. — Мы с твоей Вестой не подружки, чтобы в гости друг к другу ходить!

— Но вы же работаете вместе?

— И что?

— Так в отделе кадров должны знать адрес?

— Наверное... — она пожала плечами, вновь забираясь на колени к Андрею.

— Дай мне телефон... кто там у вас главный по кадрам?

— Облезешь! — гавкнула Марьяна. — И неровно обрастешь.

— Андрюх... — воззвал Кирилл к совести друга.

Тот с трудом вынырнул из ложбинки между грудей Марьяны и взял себя в руки.

— Красавица, так ты дай номерочек... и мы продолжим, — голосом змея-искусителя предложил он. — А то ведь не отвяжется.

— Ладно! — Марьяна вновь вскочила с него, схватила телефон и угрожающе качнулась к Кириллу: — Но этого оставите мне, а сами свалите, ясно?

— Андрюх?

— Я не против!

— Ольга Дмитриевна. Глава кадров, записывай! — Марьяна снова ткнула Кириллу в лицо телефоном. — Но офис до конца каникул уже не работает!

— Ничего, мы справимся! — оптимистично пообещал себе Кирилл и, ухватив за шкуру Витьку, смотался наконец из этого злачного местечка, оставляя Андрея на растерзание маньячке Марьяне.

13. Кирилл и его сомнения

Времени было — глубоко за полночь. Ни с какой стороны приличий нельзя было даже звонить Ольге Дмитриевне, не то что явиться.

В принципе, Кириллу было все равно. Он был очень хорошим психологом и потому твердо знал, что если очень хочется — то можно.

Но Витька прервал полет его фантазий в горних высях, напомнив, что Весте с этой кадровичкой еще работать и работать. На свою жизнь Кириллу было наплевать, но вот Весте он ее портить не хотел.

Пришлось уговориться на такси и возвращение домой.

Подвиг и спасение принцессы из высокой башни откладывались на утро. Драконы ночами спят.

Витька, оказывается, тишком умыкнул у нимфоманки бутылку виски, поэтому им было, чем заняться. Друг через пару часов безмятежно вырубился в спальне, на двухметровой кровати с ортопедическим матрасом премиум-класса. Хозяин дома предпочел диван в гостиной, все еще хранящий эфемерный запах Весты и почти материальные воспоминания о том, как они... ох. Осквернять пьяным трупом Витька такое сокровище Кирилл не стал.

Но и сам не уснул. Сидел в полутьме, курил вейп, выдыхая пар с запахом шоколада, отвлеченно листал пухлые томики магистров психиатрии и грезил наяву.

Как быстро и глубоко Веста просочилась в его жизнь... Словно пресловутая иголка, которой пугали в детстве: наступишь неаккуратно — войдет в тело целиком, попадет в кровь и с ней доберется до сердца. Кирилл ощущал путешествие этой иголки по своим сосудам — она колола то тут, то там, не давала спокойно сидеть на месте, побуждала действовать. Он бы с удовольствием подорвался куда угодно, но сейчас, среди ночи, не мог даже поехать к ее дому, чтобы петь под окнами серенады. Не знал даже, где тот дом. Перерыл все соцсети — девушек по имени Веста там было на удивление много.

Но ни на одной аватарке Кирилл не узнавал ее черных волос и ореховых глаз.

Да помнил ли он ее лицо?

Только волосы и эти колдовские глаза. И еще губы. И медовое дыхание. И сорванные стоны, гладкую кожу, стук сердца.

Он мог бы узнать ее по стуку сердца. А вот в лицо — вряд ли. Не сложилось как-то.

Поутру Кирилл вытряхнул сладко спящего Витьку из постели пинками и не дав даже выпить кофе, погнал к Ольге Дмитриевне. На его нытье жестоко отвечал, что думать надо было, когда шутки шутили, а теперь пусть отвечает сполна. Пользу приносит.

Единственная польза, которую Витька в восемь утра с похмелья мог принести — убить своим дыханием целый взвод драконов. Кирилл решил, что нельзя пренебрегать никаким оружием. Никогда не знаешь, как сложится жизнь.

Поэтому за шкуру вытащил желе в форме друга Витьки из такси и погнал на пятый этаж хрущевки-развалюхи в Кузьминках.

Пока тот еще сладко спал, иголка в крови — ну, или шило в заднице — Кирилла подтолкнула его позвонить сначала Весте, чтобы услышать набивший оскомину отлуп работа, а потом главе отдела кадров конторы, где она работала. К счастью, имена Марьяны и Весты быстро взломали ледяное недоверие Ольги Дмитриевны и она согласилась встретиться лицом к лицу.

Она думала, что для того, чтобы еще раз с удовольствием послать Кирилла куда подальше, но он знал, что вся его жизнь, все обучение в институтах в России и за рубежом, все тренинги по НЛП, цыганскому гипнозу, когнитивной терапии, психологическому айкидо, «холодным» продажам и прочим техникам разной степени мракобесия, готовили его к этому моменту. Он не мог позволить себе проиграть.

А значит...

Витька был пока тактически бесполезен, поэтому нес букет цветов, торт и набор солей для ванн — Кирилл был уверен, что что-нибудь из этого обязательно сработает. Запасным вариантом была еще колбаса и электрический резак для отпиливания ветвей — что еще нужно пожилой женщине, которая наверняка увлекается огородом? — но это показалось ему пока избыточным.

— Так... — сказала немолодая, но довольно крепкая женщина, открывшая Кириллу дверь квартиры. Судя по абсолютно седому пучку на голове, не тронутому краской для волос, спортивным утяжелителям на запястьях и кожаным штанам, Ольга Дмитриевна была персоной неординарной и с характером. — Я поняла, Кирилл, из ваших бессвязных бормотаний, что у вас дело жизни и смерти, в ваше сердце скоро вонзится игла и вы истечете кровью. Но не очень поняла, при чем тут я.

Кирилл, который до этой минуты был уверен, что изложил свою просьбу спокойно, логично и убедительно, поэтому и получил приглашение домой, несколько стушевался.

— Эмммм... — замямлил он. — Понимаете, в чем проблема... Дело в том, что...

Под острым взглядом темных глаз Ольги Дмитриевны его надежда получить адрес сотрудницы компании — вот так, ни с того, ни с сего! — стремительно таяла. С чего он взял, что...

Витька рядом мялся, не вникая в ситуацию и толку от него было мало. Он только протягивал вперед то букет, то торт, и снова отступал.

Пока его мутный взгляд вдруг не наткнулся на что-то за спиной Ольги Дмитриевны, которая уже поджала губы и готовилась захлопнуть дверь.

— Отоцинклюс! — вдруг возопил он, призывая, видимо, дьявола. — Отоцинклюс! Как... К-к-как!

И впихнув в руки оторопевшему Кириллу букет и торт, решительно отодвинул хозяйку квартиры с пути и приник к стеклу аквариума, стоящего на полке.

— Отоцинклюс! В голом аквариуме! — от похмелья не осталось и следа. Глаза Вити горели адским огнем. — Как вы могли?!

Невзрачная рыбка и правда плавала в одиночестве над красноватым грунтом и пластиковыми развалинами крепости. На взгляд Кирилла это было красиво.

— Это дизайнерский аквариум, модель «Марсианский пейзаж», — строго сказала Ольга Дмитриевна, еще сильнее поджимая губы. Но Кирилл заметил в голосе нотки беспокойства.

— Им же нужны водоросли! Много! Чтобы все заросло и были укрытия!

— Но...

Витя уже метнулся дальше, заведя новую цель.

— Зачем же вы дискуса в таком маленьком аквариуме держите? — раздался его скорбный вопль из комнаты, и Ольга Дмитриевна поспешила туда, забыв о Кирилле. Он осторожно прошел за ней, прикрыв дверь. — Ему нужен простор, понимаете? Это вам не гуппи! Есть у вас нормальный аквариум, а?

— Есть... Сейчас заменю... — хозяйка подхватила с пола пятилитровую бутылку с водой

и поволокла к пустому аквариуму, стоявшему на широком подоконнике.

Кирилл бросил торт и цветы в ближайшее кресло и метнулся помогать. Но был остановлен гневным возгласом Вити:

— Холодную воду?! Ему нужна подогретая! Он же тропический житель! Вы что — возомнили себя рыболюбом-аквариумистом? Вы бы хоть почитали что-то!

— Я читала... — суровая Ольга Дмитриевна съежилась под окриками и захлопала глазами.

А Витя уже переметнулся к следующему аквариуму — их тут было несколько, и комната действительно была очень стильно оформлена под морское дно. Все аквариумы сияли чистотой, в них сверкали термометры и бурлили компрессоры. Но, видимо, круто это выглядело только на дилетантский взгляд Кирилла.

— Астротуса поселили с золотыми рыбками? Ну вы молодец! Он их обожает! — продолжил Витя у огромного аквариума, занимавшего почетное место напротив дивана, которое в приличных домах отводится телевизору.

— Правда? — робко расцвела от похвалы Ольга Дмитриевна.

— ЖРАТЬ ОБОЖАЕТ! — рявкнул Витя так, что подпрыгнул даже Кирилл.

— Я сейчас... Сейчас! — Ольга Дмитриевна метнулась за сачком и полезла сдвигать крышку аквариума, торопясь спасти золотых рыбок.

Она так и застыла с рыбкой на весу, когда Витя продолжил экзекуцию нерадивого аквариумиста:

— Боция-клоун — слушайте, ну вы нарочно это делаете? Вот в этот аквариум и сажайте ваших золотых рыбок! — он выдернул у нее сачок и перевалил недоуменно бьющую хвостом рыбку в маленький круглый аквариум. — А боциям нужна компания! Так... Срочно переселять!

Он засучил рукава и подхватил из рук Кирилла бутылку с водой, чтобы наполнить пустующий аквариум.

Ольга Дмитриевна всплеснула руками, побежала вылавливать боцию, бросила на полпути, метнулась спасать дальше золотых рыбок, попутно подхватив телефон и уже названивая кому-то с требованием привезти водоросли немедленно!

— Ээээ. — Сказал Кирилл. — Вить, а мы...

— Да подождешь ты! Тут дело жизни и смерти! — отмахнулся его друг. Оторвать его от рыбок оказалось гораздо сложнее, чем Андрея — от сисек Марьяны.

— У меня тоже! — Кирилл преградил Витьке путь в ванную, куда тот волок два круглых аквариума, и он окликнул Ольгу Дмитриевну:

— Да дайте ему уже адрес, а то не отстанет! Нам еще сомиков переселять!

— Сейчас, сейчас! — она вытерла руки о висящую на плечиках выглаженную блузку и нагнулась над компьютером. — Что там вам? Чей адрес?

Вот и третий друг был потерян в аквариумных пучинах.

Кирилл приехал под окна многоэтажки на окраине в одиночестве.

Адреса нынешней квартиры Весты в документах не было, но был адрес прописки. По словам кадровички, там жили ее родители.

Нетерпение Кирилла давно выгорело дотла, и он даже не расстроился, что на пути появилось очередное препятствие. Он просто вызвал такси и назвал этот адрес. А теперь стоял, глядя на четырнадцать безликих этажей, уходящих вверх, к бледному зимнему небу и чувствовал, что иголка в его артериях наконец-то добралась до сердца и сейчас медленно

пронзала его. Но его наполняла не боль, а острое, сладкое, почти забытое чувство.
Ощущение настоящей жизни.

14. Веста и ее родители

Родительский дом — место, где тебя всегда примут.

Особенно, если не хочется возвращаться в квартиру, которую Веста снимала с двумя соседками. Обычно им было весело вдвоем — всегда можно поделиться своими бедами, выпить вина, потанцевать под что-нибудь зажигательное. Или всем вместе посмотреть кино, завернувшись в пледы тремя укуклившимся гусеничками на диване.

Но не сегодня.

Девчонки и так уже намекали, что можно с собой в Египет взять и подружку. И желали удачи Весте, когда она ехала на терапию. Наверняка начнут расспрашивать — и если не вытянут правду про психолога, то попробуют напроситься с ней в поездку. Держать за ручку в самолете.

А уж про корпоратив как начнут охать и ахать...

В общем, Веста поехала туда, где ее понимали.

К родителям.

С ними у нее были великолепные отношения. Особенно хорошими они стали, когда в семнадцать она стала жить отдельно.

Мама уже собиралась спать, она зевала, когда открывала Весте дверь. Но очень обрадовалась, обняла ее, тактично не заметив запаха алкоголя, пошла ставить чайник, доставать печенье и разогревать картошку с котлетами.

На запах еды явился и папа, тут же начавший рассказывать, по своему обыкновению, долгую историю о том, как пытался разгадать кроссворд, принципиально не пользуясь интернетом.

После угощений на корпоративе котлеты выглядели смешно... но неожиданно Веста почувствовала сильный голод и с удовольствием съела целых две штуки под умиленным взглядом мамы. И незаметно для себя самой пересказала, как у нее хотели выцыганить билеты в Египет.

Мама погладила по голове, папа покряхтел.

И задал самый страшный вопрос:

— Так ты с кем летишь-то?

Веста усиленно зашуршала пакетиком с печеньем, делая вид, что не расслышала из-за этого вопрос. Но папа задал его погромче, и увильнуть не было никакой возможности.

— Не знаю, — проворчала она, прячась на огромной чашкой с чаем.

— Неужели никого нет? — всплеснула руками мама. — Ты же наша красавица, у тебя наверняка куча поклонников!

— Я помню, ружье как раз на твое пятинадцатилетие купил... — мечтательно сказал папа.

— Это ружье на уток, — напомнила Веста.

— Тем обиднее получить из него дробью в жопу! — хохотнул он.

Мама шлепнула его по плечу, а он поймал ее руку и поцеловал.

Они задержались взглядом друг на друге, словно на несколько мгновений оказавшись только вдвоем в пустоте — и никого вокруг.

Веста в детстве была уверена, что ее тоже ждет такая любовь как у мамы с папой. Но годы шли, и она все чаще понимала, что это как сорвать джек-пот в лотерею. Впрочем,

лотерейные билеты она тоже иногда покупала.

— Ну что ты, доченька? Неужели никого-никого на примете? — первой очнулась мама. — А помнишь Колю из второго подъезда? Ты ему в детстве так нравилась, что он оборвал у бабушки Нади весь крыжовник, даже зеленый и притащил тебе. Хозяйственный парень!

Веста помнила. После этого они с Колей целовались в деревянном домике на детской площадке. От незрелого крыжовника у него постоянно текли слюни, и губы были противно мокрыми. Первый поцелуй Весте не понравился.

От колиных поцелуев ее мысли скакнули к поцелуям психолога. Огненным, жгучим, вызывавшим жажду — хотелось целоваться еще и еще.

Она никогда не думала, что только от поцелуев может кружиться голова.

— А Денис из дома за гаражами? Хочешь, у тети Тани узнаю его телефон? — не унималась мама.

Денис был огромным и мускулистым. Главным хулиганом двора. В то лето, когда Веста заканчивала школу, у ее двери каждый день появлялся букет бордовых роз. Сам Денис с трудом закончил девять классов и ушел работать на рынок.

Увы — Веста сходила с ним на одно свидание и поняла, что роз слишком мало для общности интересов. Хотелось обсудить хотя бы одну книжку или сериал. Но Денис мог рассказывать только о разборках, кто будет какую часть рынка крышевать.

А вот у психолога... он ведь предлагал посмотреть на его диплом? И рассказал про ее имя. Она и так, конечно, знала, откуда оно — хотя родители как-то признались, что назвали ее Вестой, потому что им очень понравилась кличка соседского пуделя. Но он знал такой не самый распространенный факт про римскую богиню! Он был очень умным...

Мама посмотрела на Весту и ее отсутствие энтузиазма по поводу женихов и мягко намекнула:

— Леночка, подружка твоя по играм в «дочки-матери», помнишь? Второго уже носит! Эх, понянчить бы малыша...

Мама всегда очень тонко намекала.

— Так позвонить? — уточнила она. — А еще у нас на работе есть мальчик-компьютерщик, такой красавец! Глаза зеленющие! Сама бы загуляла!

Папа шутливо погрозил ей кулаком, а мама расхохоталась.

— Раз такой красивый, наверняка не один, — попыталась отмазаться Веста.

Не тут-то было.

— Ну что ты! — мама замахала руками. — Он все время в одной футболке и на обед питается дошираком, явно нет женской руки! Никто о бедняжке не заботится!

Веста вспомнила психолога, от которого пахло тонким запахом дыма и восточных пряностей. И его дом, в котором все, до последней безделушки, было подобрано с отменным вкусом. И даже свет регулировался удобно — прямо рядом с диваном...

Но женской руки там не чувствовалось. Умеют же некоторые заботиться о себе сами, как взрослые люди?

— Мам... — Веста мягко улыбнулась, отодвигая чашку и накрывая ее ладонью, когда мама попыталась долить еще чаю. — Я справлюсь сама, честно.

— А как же твоя аэрофобия? — задал отец второй страшный вопрос. — Лететь же скоро? Во вторник, да?

Как же...

Эта попытка избавиться от фобии была последней. Больше способов не осталось.

И Весте и впрямь было печально, что полетит она все-таки одна и справляться будет сама. Она еще не знала — как. Рисковать попасть в черный список еще одной авиакомпании и напиться?

Веста вдруг задумалась. Она ведь шла к психологу с намерением вылечиться шоковой телесной терапией. Она и получила. Шоковую. Телесную.

А вдруг помогло?!

Всякие чудеса бывают — ведь человеческая психика до конца не изучена. Как бы проверить?

Она полезла в карман за телефоном и с удивлением посмотрела на его черный экран. Разрядился.

Хотя толку от него? Телефона психолога она тоже не знает. Даже имени не знает!

И как бы ей ни хотелось, но...

Она понимала, что скучает по этому наглецу, однако ни за что и никогда не вернется в его квартиру. А ему ее и вовсе никак не найти. Не одна же она Веста во всей Москве...

Мама постелила ей в большой комнате, где в полутьме мерцала разноцветными огоньками старенькая пластиковая елка. Хотела выдернуть гирлянду из розетки, но Веста попросила оставить.

— Так красивее. Как в сказке.

Мама погладила ее по голове и ушла с папой спать.

А Веста подошла к облезлой старушке-елке, которую помнила еще со своего детства и, улыбаясь, качнула колокольчик, который коротко и стеклянно звякнул в ответ. Погладила по гребешку деревянного петуха, которому лично отгрызла хвост, когда ей было десять.

Вспомнила, как однажды уронила этот алый шарик и как зашлось ужасом сердце, пока он летел вниз... но мягкий ворс ковра чудом его спас.

Она легла на диван так, чтобы засыпать, глядя на огоньки, обещающие настоящее чудо.

Но сон не шел — в тишине ночи вдруг из памяти стали всплывать подробности сегодняшнего вечера. Теплый взгляд темных глаз, нежные руки, кипящие мысли, взмывающие вихрем от каждого касания. Все казалось таким правильным в тот момент... и вдруг расколосось, как упавший на паркет елочный шарик. Остались только колкие осколки с зеркальной сердцевинкой.

Но еще хуже стало, когда она сбежала...

Он ведь сам удивился, увидев деньги, теперь Веста вспомнила это четко. Не меньше, чем удивилась она. А уж когда приперся этот... эта... в платье! Тоже Веста!

Неужели ее психолог с теплыми глазами ждал этого огромного мужика? Но зачем тогда он целовал Весту?

Все на свете перепуталось, а она убежала, даже не разобравшись. И теперь сердечко болезненно ныло от ощущения неправильности происходящего...

За ночь Веста будто набралась сил от мерцающих елочных огней.

Да, с ней случилось чудо — она выиграла тур в Египет. Но кто сказал, что она выиграла его для себя? Судьба ей намекнула на это, когда она даже не попала туда, где ее должны были вылечить от аэрофобии.

Значит... Веста пила утренний кофе, стоя у окна кухни, смотрела на маму с папой, которые вяло ворчали, поедая овсянку, а сама думала — вот они удивятся, когда я вручу им путевку и скажу, что это будет их второй медовый месяц!

А она... Жизнь впереди долгая. Успеет еще и на пирамиды посмотреть, и по пустыне

поездить.

Отставив чашку на подоконник, Веста решительно повернулась...

И застыла, поймав до странности знакомое движение — там, за окном.

У подъезда стоял мужчина, лица его было отсюда не видно, но то, как он потер щеку ладонью, пронзило ее огненной стрелой — и снова заныло сердце.

Не может быть. Не может же?

Нет?

Нет?

— Мам, пап... я ненадолго! — бросила она, мгновенно закутываясь в куртку.

— Куда?! — взвилась мама.

— За молоком! — крикнула Веста в уже захлопнувшуюся дверь.

— Но...

Мама перевела взгляд на полный пакет молока, который дочь только пять минут назад сама достала из холодильника.

15. Веста и Кирилл и их кошмары

Веста всегда завидовала героиням романтических фильмов. Они были такие смелые: первыми признавались в любви, бежали к мужчине, крича через весь аэропорт, чтобы он не улетал, даже звонили женам возлюбленных. Как будто они были так уверены в себе, абсолютно убеждены, что он ответит взаимностью, что он тоже влюблен, что они — они сами — стоят его любви!

Веста знала, что она симпатичная. С ней почти каждый день кто-нибудь пытался познакомиться. Даже просто на улице. Но ведь быть красивой и быть достойной любви — разные вещи. Она бы никогда не смогла подойти на улице к парню, который понравился и сказать:

— Молодой человек, не хотите слетать со мной в Египет?

Нет, это не про нее.

Совсем нет.

Кирилл смотрел на девушку своей мечты, которая вдруг появилась неизвестно откуда, тронула его за плечо, сама вздрогнула, когда он обернулся и задала невероятно дерзкий вопрос. И стояла теперь, кусая вишневые сладкие губы, стискивая тонкие пальчики, а в ореховых глазах плескался азартный страх.

И не верил.

Наверное, он все же заснул под утро крепче, чем думал. Вдохнул ее сладко-терпкий запах с подушки, и ему приснился невероятно реалистичный сон, в котором он мерз под окнами многоэтажки, робел, ругал себя, то бросался к подъезду, то прочь, вдруг засомневавшись на последнем этапе.

А потом она вышла... И стояла тут, перед ним. С ее глазами, губами, персиковой кожей и разгорающимся румянцем.

Вот-вот смутится и испугается совсем и сбежит.

Нет, нельзя этого допустить. Даже во сне.

— Очень хочу! — честно сказал он, притягивая ее к себе и забираясь под распахнутую на морозе куртку, чтобы обнять за тонкую талию, провести ладонью по стройному бедру, чуть не застонав от того, как часто и горячо забилось сердце.

Конечно, сон.

Она не вырвалась, не надавала ему пощечин — только отблеск бывшего гнева сверкнул в глазах, но тут же растаял, скрытый темнотой ресниц.

— У вас ведь есть загранпаспорт? — уточнила Веста на всякий случай.

Жаль, если пропадет такой красивый и смелый заход. У нее сердце сейчас просто разрывалось, пытаясь колотиться быстрее, чем дано природой.

Те секунды, что он молчал, отняли у нее несколько лет жизни и прибавили седых волос.

Но оно того стоило.

То, что она чувствовала сейчас, было не похоже ни на что иное. Такое пронзительное счастье, такая невероятная свобода, словно она сама уже летит без всяких самолетов в морозных небесах.

— Есть... — улыбнулся Кирилл.

— А какое там имя? — спросила Веста и как будто устала сдерживаться, отчаянно покраснела.

Ох, ведь так и не знала его имени!

Какой ужас! Знали бы мама с папой!

Кирилл рассмеялся, осознав то же самое. Но вместо того, чтобы задуматься, нужна ли ему девушка, которая так беспечно прыгает в постель с человеком, чьего имени даже не знает, вдруг наклонился и сделал то, чего желал больше всего на свете.

Чего она желала до одури, до головокружения.

Кирилл поцеловал Весту.

В вишневые сладкие губы, приоткрытые и замерзшие.

И она вся вспыхнула под его руками, словно ее кровь вскипела в венах.

И всхлипнула.

И что-то простонала ему в рот — впрочем, Веста была уверена, что это он простонал.

Сначала ее имя.

— Веста... — выдохнул, продолжая целовать и уже совсем неприлично тискать ее под курткой. А потом свое: — Кирилл. Меня зовут Кирилл.

— Знаешь, что, Кирилл... — угрожающе вдруг произнесла Веста, и в ее глазах снова вскипела ярость. — Знаешь, что я почувствовала тогда?! Знаешь?!

Она отшатнулась от него, всхлипнула и занесла руку для пощечины.

Кирилл зажмурился и замер, готовый к удару.

Только тихо прошептал:

— Знаю...

И почувствовал, как ложатся тонкие руки ему на плечи и как сладкие-сладкие губы вновь касаются его губ. Потому что Веста не смогла его ударить. Просто не смогла, хотя все еще чувствовала жгучую обиду где-то в глубине своего сердца.

— Прости, — сказал он, разрывая поцелуй и ловя золотые искры в ее взгляде. — Прости, я... правда не знал. Ничего не знал.

— Как ты меня нашел? — спохватилась Веста.

— Поехали со мной, расскажу! — коварно предложил Кирилл, нащупывая телефон в кармане и молясь, чтобы он не разрядился на морозе. Если придется умолять ее дать свой телефон, потом искать зарядку и унижительно принимать у нее деньги на такси — все разрушится.

Так ему казалось.

Хотя вряд ли хоть что-то могло разрушить тот мост из золотых искр, что соединял их теперь.

Веста судорожно оглянулась на окно своей кухни, вспомнив неожиданно, что у нее есть мама и папа — которые маячили сейчас за занавеской. И что она взрослый разумный человек. Временами. А сама целуется черт знает с кем в зимнем дворе. Без телефона! Без шапки!

Что у нее тут не романтическая комедия, вообще-то.

А реальная жизнь. В которой какой-то маньяк сначала ее изнасиловал, когда она ошиблась дверью, а теперь выследил и хочет куда-то увезти!

Острый страх расколол сердце напополам.

Вдруг он что-то расплыл в своей квартире? Не могла же она так безропотно согласиться на все! И тот страшный трансвестит ее спас! А теперь этот маньяк вернулся, чтобы закончить свое темное дело!

Веста отпрыгнула от Кирилла так шустро, что он упал на одно колено, не удержавшись

на ногах. Кровь отлила от ее щек, она смотрела на него с ужасом. И такой же холодный ужас продрал его по позвоночнику — он протянул к ней руку, но спазм перехватил горло, и вместо слов выходил только хрип.

Все-таки сон... Только не сладкая мечта, а кошмар.

Это наполнило его одновременно горечью... и надеждой. Потому что значило, что Весту он еще не нашел. Но еще — что ее внезапное отчуждение не может быть правдой, а значит — они встретятся и все будет хорошо. Он разрешит ей дать ему столько пощечин, сколько она захочет. Только была бы рядом...

— Хорошо... — сипло выдохнул он. — Не хочешь — не поедем. Не полетим. Все как скажешь. Только... не убегай, пожалуйста. Тебя очень сложно найти.

В его глазах плескалась боль, и Веста провела ладонью по лицу, будто стирая морок.

Ее тело просто не выдерживало всех эмоций, что накрывали ее волнами — от страха к ярости, от злости — к нежности. Организм шаршил все подряд гормоны из своих запасов, надеясь, что само как-нибудь устаканится. И ее бросало из стороны в сторону — то она считала свой страх глупостью, то снова принималась жалеть, что не может вызвать полицию прямо сейчас.

А родители не догадаются!

Она взглянула на окно кухни и поняла, как выглядит то, что Кирилл стоит перед ней на одном колене, а она прячет лицо в ладонях.

И вдруг... рассмеялась.

Протянула ему руку.

— Вставай, — сказала Веста. — Пойдем, я переоденусь и познакомлю тебя с мамой и папой. Должны же они знать, с кем я лечу в Египет. И у тебя есть примерно пара минут, чтобы придумать, как ты их будешь разубеждать в том, что делал мне сейчас предложение.

Кирилл, не веря во внезапное помилование, обессиленно поднялся на ноги и тут же сграбастал Весту в объятия. И сказал, сам не зная еще, шутит или нет:

— Зачем мне их разубеждать?

16. Кирилл, Веста и их нежности

В такси по дороге к Кириллу домой, он пересказал Весте все, что происходило с момента ее побега. Начиная с Васи и его сверкающего платья, заканчивая отоцинкюсами и их марсианским пейзажем.

Или нет, не ими.

Заканчивая той раскаленной иглой, что вошла ему в сердце, когда он стоял под окнами дома ее родителей, еще не зная, но уже чувствуя, что она там, рядом, буквально в пяти минутах сомнений от него.

Игла сейчас пульсировала горячо и сладко, и совсем не хотелось, чтобы она куда-то исчезла. Кажется, именно этого ему всю жизнь не хватало — постоянно чувствовать эту захватывающую дух, нежную боль в сердце.

Иногда Кирилл замолкал — только чтобы дотянуться до вишневых губ. А Веста совсем не была против. Голова у нее кружилась, в ушах звенело, а перед глазами взрывались золотые звезды. Едва ли она запомнила хоть половину сказанного.

Родители ее, хоть и явно удивились внезапному явлению Кирилла — «мам, пап, мы с ним летим в Египет, он психолог, а еще он вылечил меня от аэрофобии» — но были людьми старой формации и потому никак этого гостю не показали. Налили чаю, предложили печенья и ненавязчиво расспросили о жизни.

Если бы Веста была чуть более внимательной, она бы заинтересовалась тем, что психолог он не простой, а довольно популярный, и жених завидный — настолько, что у мамы прямо глаза загорелись. А папа проникся теплыми чувствами к Кириллу из-за его безупречной вежливости и толстого свитера, как у Хемингуэя.

Все же Кирилл умел располагать к себе людей. Особенно сейчас, когда он все еще был в боевом режиме: «Вижу цель — не вижу препятствий». Никак не отключался этот режим. Что-то его все время теребило, словно враги все еще были рядом.

Казалось, вот оно — счастье. Тонкие пальчики в ладони, распахнутые глаза, опущенные черными ресницами, шелковые волосы, пахнущие тонко и нежно — не надыхаться.

И пробок в предновогодней Москве почти нет, до квартиры в арбатском переулке осталось двадцать минут, пятнадцать, десять...

И сердце сжимается от волнения — и уверенности, что все теперь будет хорошо.

Они вышли из такси, и Кирилл замешкался, немного по-мазохистски оттягивая момент, когда они войдут домой и... сначала перестелят белье на кровати, где отсыпался похмельный Витька.

А потом... потом...

От предвкушения тяжело гудела в висках кровь и пробегали по позвоночнику колючие искры. Кирилл прижал Весту к себе сильнее, взял ее руку и коснулся губами прохладных пальчиков. Сразу перехватило горло, застучало сердце — не только у него, у Весты тоже. Дыхание сорвалось и никак не собиралось восстанавливаться.

Только морозный воздух немного охлаждал их страсть.

— Кирюш... — и еще этот голос.

Абсолютно точно охладил страсть.

Кирилла.

Веста еще не поняла, что происходит, но почувствовала, как он вздрогнул и повернулся.

К своей бывшей жене, которая топталась у приснопамятной калитки. Только открыть ей было некому.

Алена была — как всегда, безупречна.

В белоснежной шубке, на которой особенно искристо мерцали медленно сыплющиеся с небес снежинки. В изящных сапожках на шпильках, с распущенными светлыми волосами. И с таким идеальным макияжем, что мужчины, менее, чем Кирилл, искушенные в женских уловках, могли бы решить, что это ее естественная сияющая красота.

Все это Веста, обернувшаяся вслед за Кириллом, оценила очень точно. Она тоже была женщиной, в конце концов, пусть немного и витающей в облаках.

— Кирюш, — повторила Алена. — Я должна тебе кое-что сказать. У тебя есть минутка наедине для любимой жены?

Кирилл твердо стиснул пальчики мгновенно рванувшейся от него Весты. Удержал. Успел. Потому что ожидал.

Не зря не выключался боевой режим.

Все-таки он был хорошим специалистом и догадывался, что пугливое его чудо воспользуется первым же шансом на побег. Нет уж.

Набегалась.

— Бывшей жены, — уточнил он. — И ты можешь говорить прямо тут. У тебя минута.

Он обвил рукой талию Весты, прижал ее дрожащее тело к себе и шепнул на ухо:

— Тиш-ш-ше... Это недолго.

Алена скользнула по Весте равнодушным взглядом, будто не засчитав ее присутствие. Что было неправдой, иначе не требовала бы «наедине». Но Веста уже разнервничалась и на такие выводы стала неспособна.

— Сегодня мне звонил один человек... — Алена прижала ладони к щекам. — Звонила, точнее. Женщина, которая сыграла большую роль в нашей судьбе.

— Кассандра? — уточнил Кирилл, вспомнив обещание Васи вытряхнуть из той раскаяние. Видимо, дело дошло до извинений перед бывшими клиентами.

— Да. — не удивилась его догадке Алена. — Она когда-то раскрыла мне глаза и указала путь к новой жизни. Этот путь... был нелегким. Но я не сомневалась — раз звезды, и руны, и огни, и перья так сказали, значит, я просто должна стараться лучше, чтобы достичь своего счастья. Но сегодня она... — Алена всхлипнула и прижала ладонь ко рту. — Сегодня она призналась, что была мошенницей. Кирилл!

Алена всхлипнула погромче, а Кирилл с глубокой тоской подумал — как он мог жениться на ней? Руны, перья...

— Кирилл! — Алена вскрикнула, как будто он первый раз не расслышал. — Я совершила ужасную ошибку! Но мы все ошибаемся! Ты должен меня простить!

— А как же новая жизнь?

— Она... не удалась, — бывшая жена опустила глаза, и Кирилл наконец заметил, что обручального кольца с бриллиантом, которым она когда-то хвасталась в соцсетях, на пальце больше нет. — Ты был лучшим мужем на свете. Давай начнем с начала?

Он раньше часто думал о том, что будет делать, если Алена однажды одумается и вернется.

В первый год после развода он собирался все забыть и просто снова быть счастливым.

Во второй, узнав, кто стал ее новым мужем, решил, что никогда не простит, даже разговаривать не будет.

А потом... боялся. Боялся, что она вернется. Потому что не знал, как поступит.

Боялся, что поддастся слабости.

Однако сейчас, когда это случилось, в его сердце не было ни тени сомнений. Возможно, потому, что оно уже было занято сладко-раскаленной иглой.

Так что он только крепче сжал талию Весты, молча провел ее мимо мило Алены, набрал код на калитке и захлопнул дверцу за собой.

— Прости, — сказал он, открывая дверь в подъезд. — Мне мой личный шаман тоже указал правильный путь. И тебя на нем нет.

На середине лестницы Кирилл вдруг остановился, развернул Весту к себе и принялся ее целовать так отчаянно, будто она только что спасла ему жизнь.

В целом, конечно, так и было.

— Кирилл... Кирилл... — она попыталась уклониться, потом отбиться, но мгновенно растаяла, и губы стали нежными и податливыми, как всегда. — Ты не говорил, что у тебя есть бывшая жена.

— Не успел. Я столько всего еще не успел, — покаялся Кирилл. — Но я исправлюсь.

Он расслабился окончательно, только затащив свою добычу внутрь квартиры. Запер дверь на два замка и цепочку и подумал, что надо бы найти ключ от третьего, нижнего, которым не пользовались уже много лет — как-то не возникало нужды. Но когда дело доходит до того, что надо удержать рядом склонную к побегам девушку с вишневыми губами, ни одна предосторожность не будет лишней.

А теперь...

Но именно в этот момент зазвонил телефон Весты.

— Марьяна? — удивленно ахнула та в трубку. — Что ты...

— Хочу извиниться перед тобой, — неожиданно мягким и спокойным голосом сказала Марьяна.

— За что? — опешила Веста. — Ты же хотела мне помочь...

— За все! — вздохнула та. — За все, о чем ты знаешь, и чего не знаешь. За то, что кричала на тебя, за Кассандру, за то, что я думала о тебе.

— Что случилось? — забеспокоилась добрая Веста, которая все сразу поняла и сразу же простила. — Ты что, умираешь?

— Нет, дурочка... — снова очень мягким, грудным смехом рассмеялась Марьяна. — Наоборот. Мне кажется, я и не жила до этого момента. Только завидовала всем подряд и суежилась. А оказывается, женщине надо так мало...

— А-а-а... — Веста вспомнила рассказ Кирилла о том, как Марьяне оставили в заложники Андрея. — Ну что ж, поздравляю. Рада, что ты нашла свое счастье.

Она отключила телефон и засмеялась:

— Мне кажется, твой друг очень сильно попал!

— Он справится, — отмахнулся Кирилл, стаскивая с Весты куртку и присаживаясь на корточки, чтобы снять с нее ботильоны. — Я вот тоже попал, но только рад этому.

Веста протянула к нему руки, но он не торопился вставать, скользя ладонями по ее ногам выше, выше, выше... она вздохнула, принимая игру и запуская тонкие пальчики в его шевелюру. От нежного массажа хотелось мурлыкать и ускориться, чтобы наконец обнять ее обнаженную, прижаться кожей к коже. Его руки нащупали край кружевной резинки чулок, и Кирилл застонал от нетерпения. Веста откликнулась таким же нетерпеливым тихим стоном, когда он нырнул под ее платье и, все еще стоя на коленях, прижался губами к кружеву

трусиков в самом влажном и горячем местечке. И тогда...

Возопила Иерихонская труба дверного звонка!

Кирилл нисколько не винил бы Весту, если бы с ней случился бы какой-нибудь неловкий конфуз, потому что сам идиот! Какого черта он его все еще не отключил!

Но девушка оказалась крепкой и всего лишь вонзила острые ногти в его скальп, чуть не заполучив индейский трофей на память об одном горячем идиоте-психологе.

Кирилл удержался от высказывания всего, что пришло ему в этот момент на ум, однако дверь распахивал очень, очень, очень злой. И взъерошенный.

Но Весту за руку ухватить не забыл.

Вдруг сбежит.

— Приве-е-ет! — хором закричали Витька и Ольга Дмитриевна, к невероятному его изумлению оказавшиеся за дверью.

В руках они держали огромный торт, украшенный фруктами и взбитыми сливками.

Загомонили наперебой:

— Мы так и думали, что вы уже дома!

— Ты целеустремленный парень!

— Молодец!

— Спасибо вам, Кирилл, что познакомили меня со своим другом!

— Кирюха, благодаря тебе мы спасли не меньше десятка живых душ!

— Давайте это отметим!

— И то, что вы нашли друг друга!

Ольга Дмитриевна, кажется, помолодела лет на двадцать, а Витька ожил и пылал таким энтузиазмом, какого Кирилл в нем никогда не видел. Что с человеком рыбки делают!

— Отметим?.. — аккуратно спросил он, глядя на торт.

Торт был очень вкусным на вид. В нем было очень, очень много фруктов и шоколада, взбитых сливок и безе, и он вызывал прямо-таки маниакальное желание слизнуть вишенку с вершины башни из печенья.

Но сзади в его спину вжималась мягкой грудью Веста, ее медовое дыхание щекотало его шею, и увядший было от звуковой атаки боевой настрой потихоньку уже вновь натягивал его ширинку.

— Отметим! — радостно протянул Витька торт. Но Ольга Дмитриевна уже перестала улыбаться, отметив внимательным взглядом взъерошенность Кирилла, смущение Весты и ее наполовину сползший чулок, поэтому осторожно ткнула напарника по рыбкам локтем в бок.

— Витенька, знаешь, я тут вспомнила, что ты говорил про какой-то зоомагазин на Арбате, совершенно уникальный. Мы ведь собирались туда забежать? Давай поторопимся? Вдруг закроется? — намекнула она.

— Так утро же еще... — друг тоже перестал улыбаться и недоуменно на нее покосился, но потом перевел взгляд на Весту и Кирилла и тут до него начало доходить. — Ааааа! Точно! Поторопимся! Там с утра самый клев!

— Но торт ваш! — поспешила вручить угощение Кириллу Ольга Дмитриевна, прежде чем тот слишком поспешно захлопнул дверь.

— Подожди секундочку! — сказал он, передав торт в руки Весты.

Метнулся на кухню, притащил табуретку и нож — и, наконец, перерезал провод дьявольского звонка!

Веста за это время успела лизнуть облачко из сливок и испачкала кончик носа в

белом. Кирилл не удержался и поцеловал ее, почувствовав нежный сладкий вкус.

...не такую судьбу желала своему торту Ольга Дмитриевна...

Но Кирилл с Вестой не планировали ей рассказывать, как удачно легла вишенка в ямку пупка, как завлекательно обнимали ананасовые кольца затвердевшие соски, как медленно и красиво стекал шоколадный соус, повторяя рисунок напряженных вен на стволе члена, и как тщательно они слизали друг с друга все взбитые сливки до последней капли.

Кровать в спальне так и осталась неостребованной. Они снова не добрались туда, расположившись на привычном уже диване в гостиной.

Золотые звезды, бесконечное небо, распахнувшееся над ними, сплавляющий их огонь — все было, и это было щемяще и нежно, горячо и остро.

Как надо.

Кирилл гладил Весту по волосам, полной грудью вдыхая их запах и думал, что такими счастливыми человеческие существа не бывают. Это какой-то запредельный уровень.

Веста вела пальчиками по груди Кирилла и думала, что с ним на удивление легко и уютно. Словно она всю жизнь его знала, словно они уже много-много раз лежали вот так, именно в этой позе, вписываясь друг в друга идеальным паззлом.

Кто бы мог подумать, что одна дурацкая шутка и одна случайная ошибка совпадут таким вот паззлом — одно место, одно время, одно имя...

И одно на двоих идеальное счастье.

Веста последний раз обняла маму и помахала вслед им с папой, уходящим к своему гейту. Их ждала солнечная, хоть и прохладная зимой Турция, пятизвездочный отель, галаужин в честь Нового года, спа, подогретый бассейн, уроки гольфа и прочие спокойные развлечения, которые подходили им куда больше энергичной экскурсионной программы в Египте.

Все время до отлета Веста упорно пыталась отдать родителям свою выигранную путевку, заверяя, что она отлично проведет каникулы дома с Кириллом. Он же им так понравился, почему они против?

Однако один горячий психолог не зря получает свои довольно высокие гонорары, сравнимые с гонорарами проституток экстра-класса и ведьм-мошенниц. Он и купил маме и папе Весты самый роскошный тур, что смог найти за два дня до вылета. Чтобы отрезать своей любимой трусихе все пути отступления.

— Самое главное, — вещал Кирилл, буквально волоком таща Весту за руку к гейту. — Это выяснить, в чем именно состоит твоя основная уязвимость. Что вызывает фобию. Может быть, утрата контроля? Или страх катастрофы? Агорафобия, клаустрофобия или обе — в самолете это возможно. Есть множество вариантов, и для того, чтобы найти лечение, надо точно поставить диагноз, ты понимаешь?

Веста не слушала. Гул в ушах заглушал голос Кирилла, и чем ближе был гейт, тем более ватными становились ноги, отказываясь нести ее туда, где сейчас будет невыносимо, чудовищно, ужасно, кошмарно, дико, жутко, отвратительно и ужасающе.

— Я понял, понял! Ты отлично умеешь доносить мысли! — прервал поток изощренных синонимов Кирилл. — Но послушай! В своей практике я даже встречал ситуации, когда человек боялся не летать, он боялся собственного страха. Он так привык, что самолеты не для него, что даже не заметил, что в процессе терапии мы избавились от ключевого переживания, вызывавшего аэрофобию, которое лежало в совсем другой области. Выяснилось случайно...

Кирилл ловко отобрал у Весты мини-бутылочку водки, которую она захватила с собой на всякий случай и теперь пыталась незаметно отвинтить крышку, и укоризненно покачал головой:

— Алкоголь только усиливает негативные симптомы. Единственное его положительное влияние — возможность уснуть и пропустить само травмирующее событие. Но выключить я тебя мог бы и более мягкими препаратами.

— Я не могу!

Веста уже сидела в кресле самолета. Пристегнутая, укутанная в плед, снабженная бутылкой воды, конфетками от заложенности ушей и берушами от гула двигателей.

До взлета оставалось несколько минут, и тут она поняла, что все. Не выдержит. И ей все равно, что подумает Кирилл, может ее даже бросить! Все равно, сколько денег она задолжает авиакомпании за срочную эвакуацию!

Оставьте самолет, я сойду!

Она рванулась, забыв о ремнях безопасности, но была остановлена мягкими, но сильными руками, которые прижали ее к креслу, не давая двигаться.

— Знаешь, что? — сказал Кирилл, наклоняясь к ней. — Я тебя люблю.

— Ч...ч... — Веста не успела сказать вообще ничего.

Его рот накрыл ее дрожащие мокрые губы, ладони надавили на плечи, и мир закрутился воронкой, опрокидывая ее в бесконечную черноту неба, где взрывались искрами золотые звезды. Голова закружилась, пульс подскочил до бешеных цифр, в ледяных пальцах закололо чем-то горячим. Веста застонала, но Кирилл ворвался наглым языком между губ, и у нее не осталось дыхания даже на стоны.

Он всегда так на нее действовал. С самого первого поцелуя, лишившего ее воли у него в квартире. И, видимо, будет действовать до последнего — потому что с каждым повторением легче не становилось. Наоборот.

Вообще это не так-то легко — целоваться сорок минут подряд. Но что поделать, если взлет длится именно столько? Кажется, кто-то из пассажиров попытался возмутиться, но что Кириллу до них? Он просто отмахнулся и продолжил целовать свою прекрасную девочку.

Только когда тихонько тренькнул сигнал и погасло табло «пристегните ремни», он оторвался от губ Весты и тихо спросил:

— Помогло?

Он и сам видел, что помогло.

Она больше не была бледно-зеленой и холодной, не дрожала крупной дрожью, а ореховые глаза вновь искрились и сияли нежностью.

Но Веста, едва сумев справиться с дыханием, возразила:

— Не уверена. Кажется, мне все еще страшно!

Что ж. От Москвы до Каира самолет летит четыре часа, а самый долгий поцелуй в мире длился 58 часов. С таким резервом они могут позволить себе даже полет в Новую Зеландию.

Все-таки Кирилл вылечил Весту от аэрофобии.

Он же был хорошим психологом.

Конец!